

ЕКАТЕРИНА ШЕЛЬМ

16+

Том 4

ПОЗДНОРОЖДЁННЫЕ

Екатерина Шельм
Позднорожденные. Том 4

«Автор»

2022

Шельм Е.

Позднорожденные. Том 4 / Е. Шельм — «Автор», 2022

Эльфы не стареют, ничего не забывают и никогда не говорят о любви. Первый из сынов Сиршаллена лежит обескровленный где-то в центре людской столицы. Линар хочет спасти брата, но сможет ли он справиться с горсткой верных эльфов, когда против него Консулы со всей мощью людской цивилизации. И знает ли он в действительности, кто его враги? Завершающий том цикла. «Тетралогия "Позднорождённые" Екатерины Шельм я проглотила за выходные, и это было чудесное время. История так меня увлекла, что я о ней теперь вспоминаю едва ли не чаще, чем о собственной пишущейся книге, а это, поверьте, о многом говорит» - писатель Мария Сакрытина «Эльфы-эльфы-эльфы! Им действительно веришь! Что вот именно такими они и могли бы быть! Легкий язык и необычный сеттинг. С огромным интересом следишь не только за героями, но и вчитываешься в мир, который рисует автор» - писатель Александра Черчень

© Шельм Е., 2022

© Автор, 2022

Екатерина Шельм

Позднорожденные. Том 4

Глава 1. Реджан Долмах

Реджану Долмаху было двенадцать лет, когда он узнал, что никогда не умрет.

Тогда к ним приехали в гости странные «родственники». Этим мужчин Реджан никогда не видел и сперва, сидя напротив них в гостиной, вел себя настороженно и скованно. Маме это не нравилось, она всеми силами пыталась подбодрить его, но двое незнакомцев были какие-то странные, хоть и неуловимо похожие на маму. Такие же темноволосые и смуглые с приметными яркими карими глазами. Вроде родня, но почему он никогда раньше о них не слышал? Один был постарше и покрепче, лет к пятидесяти, в очках, со смешными седыми бакенбардами и добрыми ласковыми глазами. Вторым, высокий худой темноволосый, сидел, вперившись в Реджана немигающим взглядом как цапля в лягушку. Реджан не раз уже попадал на ковер к директору школы и мог понять кто из взрослых настроен карать, а кто миловать. Строгий, с ничего не выражающим лицом мужчина был из первых. Смотрел на Реджана так, словно мог разложить на атомы и просчитать его состав доподлинно, без всяких там глупых бесед.

– Ты хорошо учишься, Реджан. – сказал старикашка, которого представили как «дядю Стена».

– Я... – Реджан испуганно посмотрел на мать. Она гневно взглянула на него: Не мямли! – Да. Я лучший в классе по всем предметам, кроме литературы и рисования. – отрапортовался Реджан.

– Это хорошо, – мужчина опустил чашку с чаем на блюдце и медленно поставил на кофейный столик. – И ты спортсмен, как я слышал?

– Играю в футбол и бегаю, – откликнулся Реджан.

– Он взял золото на городских соревнованиях по легкой атлетике, но, – мама гордо и как-то прохладно усмехнулась. – Думаю ты и так это знаешь, Стен.

– Конечно, но я хочу услышать, что наш Реджан сам о себе думает. Что скажешь, Реджан? Ты хороший человек?

Такого вопроса он отродясь не слышал.

– Ну... Да, наверное, да.

Реджану казалось, что этим мужчинам, приехавшим на огромной черной машине, в простом пригороде совсем не место. Они были для их района слишком богаты и это сразу бросалось в глаза.

Отец загнал Реджана домой прямо с футбольного поля и хоть мама и одела его в лучшую одежду, вычесать всю пыль из волос все же не успела. Реджан смущенно сжал кулаки на коленях – под ногтями у него чернела земля.

– А сильный?

– Да, – тут Реджан сомневался меньше. Он точно был сильным. Да его половина мальчишек в школе побаивались, после того как в прошлом году он один на один отлупил старшеклассника, который попытался забрать их карманные деньги.

– Что важнее по-твоему: доброта или сила? – голос у дяди Стена был спокойный и текущий, как у их учителя физики в школе.

Реджан знал, что его испытывают, но понятия не имел зачем им это нужно.

– Сила, – ответил он быстро. – Добряком можно быть только, если можешь защитить себя и других.

В той драке, которая создала Реджану репутацию, один на один ему пришлось справляться потому, что все его друзья испугались и дали деру. Они не были таким уж трусами, но когда на них двинулся Метью Роган из выпускного класса, на голову выше и в два раза

тяжелее, у всех сработал один рефлекс – бежать. У всех, кроме Реджана. Он остался на месте. И победил.

Дядя Стен улыбнулся. Его баки смешно затопорщились и Реджан с трудом сдержался, чтобы не прыснуть. Этот «дядя» выглядел уморительно, как будто зашел в цирюльню, отставшую от времени лет на сто.

– Ты знаешь что ты из особенной семьи?

Реджан снова опасливо поглядел на маму. Та гордо подняла голову.

– Разумеется, – ответила она вместо него.

– Что именно ты ему рассказала?

– Что наша семья ведет свой род от Сари Долмаха и наш долг хранить мир.

– А своему мужу?

– Он знает столько, сколько необходимо. Не больше.

– Что ж, – дядя Стен сложил ладони на набалдашнике трости. – Реджан, очевидно, перспективный молодой человек. Не глуп, силен и решителен. Хорошие качества. Но хватит ли их, чтобы пройти обучение?

– Он справится, – отрезала мама бескомпромиссно.

Стен покивал, но скорее своим мыслям, чем матери. Реджан не знал прошел он их тест или нет и хотел поскорее вернуться на футбольное поле, а то без него им заколотят еще пару голов.

– Мы пришлем тебе решение, – сказал Стен и поднялся с дивана.

– Когда? – мама была не на шутку взволнована.

– Когда решим, дорогая, – ответил второй мужчина усталым, но властным голосом. Весь разговор он промолчал, а к маминому чаю не притронулся.

Не прощаясь, родственники вышли из дома. Реджан побежал к окну, чтобы посмотреть, как они будут садиться в свою обалденную машину. У них в городе такой не было ни одной! Ни единой! Они с приятелями только на картинках да по телевизору и видели такие автомобили. Реджан уже предвкушал, как расскажет мальчишкам, что видел новенький Лодвиль и даже собирался приврать, что родня его на нем покатала.

– Отойди от окна! – строго отдернула его мать. – Не пялься.

– А что такого? Крутая машина!

– Хочешь такую?

– Конечно!

– Тогда слушайся. Отойди от окна, Реджан.

И Реджан задернул занавеску и виновато вернулся в комнату. Мама была бледной и взволнованной. Она взяла его лицо в ладони и слабо нервно улыбнулась.

– Я уверена, – покивала она. – Они возьмут тебя.

– Куда?

Мама прижала его к себе и поцеловала в макушку.

– Ну ма-ам! – забрыкался он. – Все? Меня на поле ждут!

– Иди, гоняй в свой футбол, бестолочь!

Через неделю за ним прислали машину и Реджан больше никогда не играл в футбол. Он начал подготовку к самой важной работе на земле. Его выбрали, чтобы стать консулом.

***

Если бы можно было списать свое мерзкое состояние на мигрень, Реджан так бы и сделал, но вот беда – сто лет переливания крови Эльтана Сиршалленского избавило его от любых недугов. Он не мог сказать, что заболел, простудился и не придет сегодня на службу.

Консулы не болели. Консулы не отдыхали.

Если бы он тогда, в двенадцать, знал куда отвезет его тот черный лодвиль...

Реджан выполз из постели и пошел в душ. Ополоснулся, вышел в ванную и стал чистить зубы. В зеркале отражался усталый, невыспавшийся мужчина едва за тридцать.

«Сколько мне в этом году? – задумался Реджан и сплюнул пену в раковину. – А какая к чертям разница!»

Он оделся и собрался. Помощник аккуратно рассортировал бумаги по папкам и протянул ему.

Семь чертовых папок с красным грифом на корешке.

– Вы готовы, консул?

Готов? Встретиться со всеми и расписаться в собственной беспомощности? В своем провале? О да, на все сто готов.

– Подавай вертолет.

– Да, консул.

Реджан открыл бар и плеснул себе коньяка. Регенерация и обмен веществ у него давно были нечеловеческие. Он не пьянел, а сломанный Эльтаном нос сросся за два дня. Но коньяк Реджан все равно любил, за самое что ни на есть человеческое ощущение «а катись оно все к чертям!», которое не могла убить даже эльфийская регенерация.

Он залпом выпил хорошую порцию и убрал графин обратно в бар.

Что он им черт поberi скажет? Такого провала никто не ждал. Эльтан чертов засранец Сиршалленский взбунтовался, чтобы вытащить своего никчемного полукровка брата! И что он, Реджан, сделал? Ни-че-го. Просто позволил ему уйти и устроить в пригороде форменный армагеддон. Протараненные машины. Сбитые насмерть люди, авария с десятком жертв на шоссе. Реджан устал подсчитывать убытки. Люди, транспорт, деньги. Эльтан знатно повеселился. Но главное – ему почти удалось себя прикончить и это было самое скверное.

Пока шла операция на мозге драгоценного Вечного принца, Реджан чуть ногти себе не сгрыз. Если бы тот умер, его, скорее всего, вышвырнул бы вон с должности. Таких проколов давненько не случалось. Но, к счастью, знаменитая живучесть кайране сыграла на руку. Он не умер и теперь лежал себе в синар и радовал глаз. Консулы выдохнули с облегчением, но не Реджан. Ему предстояло расхлебывать этот бардак.

Ушло немало времени, чтобы вытравить из сети все видеозаписи, унять шумиху в прессе, отдать ответственность на одну из террористических групп, на которых консулы списывали особо яркие проделки эльфов, выбрать, кого из должностных лиц подвергнуть публичному увольнению, чтобы успокоить общественность... Две последние недели были сплошной каторгой и сломанный нос был меньшей из его бед.

Телевидение давно было у них под колпаком, но чертов интернет был просто проклятьем. Там нельзя было так просто навести свои порядки, и вот, зайдя в почту, он видел, что его аналитики прислали очередную статью замшелого портала «Сланден сегодня». Заголовок был броским, все как любят газетчики: «Где наши дети?!»

Реджан пролистал статью. Рекордно малое количество беременных женщин на первом триместре. Меньше тысячи при сезонной норме в три. Но ушлые журналисты где-то откопали и статистику обращений по бездетности. Выросла в шестнадцать раз, очереди к специалистам ломятся, запись на ЭКО растянулась уже на восемь месяцев.

Реджан коротко ответил на письмо: убрать.

Через двадцать минут максимум эта статья будет изъята, но она не одна. Их все больше. Проклятые остроухие действительно что-то задумали и он должен собрать консулов и расписаться, что порученное ему полгода назад «дельце» оказалось не таким уж плевым и смешным, как подумали сначала.

Вирус бесплодия. Какая же заноза этот мелкий засранец шахране!

Фанатики ужасно утомляли Реджана, он считал, что их всех нужно расстреливать без суда и следствия: что анархистов, что религиозных террористов, что проклятых остроухих.

С полгода назад смотритель Сиршаллена позвонил в администрацию своему куратору и начал нести какой-то бред про смертную жену полукровки, которая узнала что-то и сообщила ему. Сигналы такого толку сразу направляют вверх, но нынешний глава совета Суреш, не придавал значения. Вернул своего драгоценного Эльтана в Кайрин и на этом успокоился. Поручил ему, Реджану, разбираться со всем остальным.

– Разберись с этим, дорогой. Узнай, насколько все серьезно.

Реджан взял дело, вытащил из Сиршаллена полукровку, стал пытаться. В методах он перестал церемониться еще лет тридцать назад. Его бесила эта чертова работа, которая лишила его жизни, а иметь дело с эльфами он хотел меньше всего. Ублюдки знатно его раздражали не в последнюю очередь потому, что из-за них приходилось «марать руки». С эльфами вообще не помогали «мягкие» методы. Ну не ломались они ни от угроз ни от легких пыток. Реджан хотел избавиться от этого дела поскорее и не церемонился с полукровкой. Его пытали на совесть, целых шесть месяцев и никакого результата.

Реджана не особенно радовало, что он должен дважды в неделю тащиться в тюрьму и снова и снова придумывать методы как же разговорить мелкого недоноска. Суреш и совет ждали результатов, но у Реджана была только тревожная статистика из некоторых городов. Симптомы, а не факты. Его в конце достала эта работа!

Но признаться в этом он не мог. Не мог и все. Отставка для консула значит одно – смерть.

Нет, ему не пустят пулю в лоб и не задушат, чтобы наверняка. Просто перестанут давать кровь. Хочешь на покой – отправляйся. Иди и умри как обычные люди.

Реджан не хотел умирать, но и жить вот так тоже устал. Все, что он видел – работа. Да, важная нужная, единственная в своем роде. Но это была работа. На которую он каждое утро отправлялся и за которую никто вечером не говорил ему «спасибо».

В двенадцать лет его мог впечатлить сверкающий черный лодвиль, подъезжающий на своих мягко шуршащих покрышках к его дому. Сейчас, спустя сотню лет, его уже не трогало ничего. Он убивал, насиловал, пытал. Для безопасности всех людей. Для общего блага. Он запугивал врагов, причинял боль близким тех, кто должен был говорить.

Для него это все давным-давно стало рутинной и обязанностью, мало что последние лет двадцать вызывало в нем эмоции. Все дорогие люди умерли, мир менялся, Реджан чувствовал себя проигравшим. Он соблазнился той броской машиной, шикарнейшей жизнью, что она обещала. Стал бессмертным, но все чаще думал, что где-то на этом пути проиграл целую жизнь. Ту самую простую, скучную, счастливую жизнь, которую проживали все те, кого он защищал уже сотню лет.

Как оказалось «консул» – довольно дрянная работа. Ни фанфар, ни славы, никто не знает твое лицо, а если знают, то боятся. Любые новые связи под запретом – рычагов давления на консулов быть не должно. Хочешь семью, детей – уходи с должности, старей, умирай, живи. Старики еще держали свои семьи, пока крови Эльтана хватало на всех, но их стало слишком много. Кто-то уставал от бессмертия, кто-то погибал. Мало у кого остались родные с тех, старых, времен.

Реджан все чаще задумывался об отставке. Дались ему эти консулы, этот мир и это бессмертие! Их семья была «особенной» и консулов набирали всегда из нее одной, хоть сейчас за триста лет она и разрослась уже до неимоверности. У них был долг перед человечеством. Но даже в двенадцать, когда начал обучение, Реджан уже недоумевал когда это он успел так сильно задолжать человечеству. Сейчас он пытался вспомнить когда последний раз был в отпуске и не мог.

Кровь Эльтана Сиршалленского давала им бессмертие и здоровье, придавала сил, но эльфийской памятью наделяла лишь отчасти. Реджан многое помнил, но не все, как чертовы остроухие.

Сколько не вкачай в себя их крови – эльфом не станешь. Синар консулам был недоступен, они были сильнее обычного человека, а годы тренировок и опыт делали их опасными бойцами, но они все равно не были эльфами.

Пришел слуга и сказал, что вертолет подан. Реджан вышел и сел в него, тот понес его в центр Кайрина, в их штаб-квартиру.

«Брошу все и свалю куда-нибудь...» – в тысячный раз думал он и понимал, что не уйдет. Куда? Что может быть веселее, чем власть? Когда вкусил этого, не удовлетворишься пивком в баре и футболом. Реджану нравилось быть в игре. В Большой игре. Он смотрел на Кайрин, проносящийся под вертолетом. Это они построили все это. Эти дороги, дома, больницы, они спланировали общественный транспорт, написали законы. Это сделали они – консулы. И Реджану повезло попасть в высшую лигу.

Не всех в семье допускали до управления. Сейчас их было шестеро и в большой совет вот-вот должна была войти седьмая – Мередит. Готовилась уже десять лет, пора бы. Когда-то их было десять, но Артур погиб в авиакатастрофе, Руту изгнали, Стен двадцать лет назад ушел на пенсию, а Патрика убил Эльтан. Реджан фыркнул: да уж вот была история.

Старик Патрик родился в старом, куда более диком, мире и был тот еще затейник. Триста лет бессмертия сделали его скучающим, жестоким и развратным. И он захотел повеселиться не с кем-нибудь, а с сами Эльтаном. Пospорил с Аджитом, собственным сыном, что эльф ему даст, не посмеет возразить. Реджан тогда проходил обучение, ему было всего шестнадцать, и когда Стен рассказал, что происходит – ему была противна даже мысль о таком унижении для эльфа. А сейчас, через сотню лет, он уже думал, что Эльтан мог бы и подставиться, как будто он не это делал последние триста лет хоть и фигурально. Но Вечный принц не стерпел – оторвал старику Патрику голову и сбежал из Кайрина. Стен рассказывал Реджану, что переполох был знатный, но Эльтан быстро вернулся. Три часа он лелеял свой гнев, но все же пришел обратно.

Жена Патрика, Рута, тогда еще была в совете, чертовски разозлилась и устроила в Сиршаллене стрельбу. Десять жизней за каждый час отсутствия и еще сотня за голову консула – такой счет она выставила Вечному принцу.

И никто не возразил, никто не одернул разгневанную женщину. Стен говорил ему, что тогда впервые с Согласия о Землях тень страха коснулась консулов. Они внезапно ощутили свою смертность, и никому из них это не понравилось. Они отвыкли бояться и хотели наказать эльфа со всей жестокостью.

Тогда еще не было интернета, людей в Сиршаллене были крохи, а все газеты и телевидение были под колпаком. О стрельбе в Сиршаллене никто и не узнал. Трупы сложили в кучу на главной площади и оставили гнить, не давали похоронить. Чтобы видели, чтобы боялись.

Стен показывал шестнадцатилетнему Реджану фотографии, и у того по коже ползли мурашки ужаса и отвращения.

– Зачем мы... так? – запинаясь спросил он, отводя глаза от страшных картинок.

– Мы живем рядом с опасными хищниками, Реджан, – говорил ему Стен. – И чтобы держать их в узде, приходится быть жестокими. Запомни навсегда – они нас щадить не будут. Для эльфа человеческая жизнь не ценнее мошки. Мы однолетние цветы в мире, который принадлежал им задолго до нашего прихода. Каждый эльф, хоть и выглядит как человек, таковым не является. Всегда помни это. Мы взяли на себя тяжелую ношу – защищать простых людей от их жестокости, от их мести тем, кто давно умер и покоится в земле. Это наш долг.

– Но Патрик ведь?..

– Заслужил?

Реджан тогда растерялся.

– Не знаю. Но Эльтан не убивал на улицах Кайрина, а мы – да.

– Эльтан сжег Кайрин дотла и убил каждого жителя, кто не смог убежать.

– Так это чуть не пятьсот лет назад было! – изумился Реджан.

– Да. Но это сделал он. За грехи одного человека заплатили тысячи ни в чем не повинных. Мы не можем ослабить поводок, Реджан. Слишком уж матерый зверь нам попался. Выпустим его – и пощады не будет. Все зашло слишком далеко. Ты должен это понимать. Мы должны защитить людей. Это наш долг.

Долг... долг... долг...

Реджан тогда Эльтана Сиршалленского видел всего один раз, когда Стен приводил его в Башню – их штаб квартиру. Эльф в роскошном костюме, выше любого мужчины вокруг, прошел мимо, одарив Реджана коротким презрительным взглядом.

Реджан почувствовал себя кучкой нечистот на дороге и ощетинился всем телом. Надменная шавка! Сам отдает кровь и ничего не смеет возразить, а гонору-то! Как он смеет смотреть на него, будущего консула, свысока!

Словом, их отношения с Эльтаном сразу не задались. Эльф позволял уложить себя на кушетку и сцедить всю кровь до капли, но все равно голову держал слишком уж гордо. Реджана это страшно бесило. Только познакомившись с Эльтаном, он понял все, о чем говорил ему Стен относительно эльфов: надменные гордецы, для которых люди – мошки на пути. Да уж, не удивительно, что в древности все короли остроухих недолюбливал и воевали с ними.

Через восемь лет обучения – восемь чертовых лет! – Реджан наконец-то был на службе.

Эльфы в своих резервациях – сильные, бессмертные, чертовски сложно убиваемые, а главное не до конца сломленные – считались опасностью для их мира, но далеко не самой большой. Основной заботой было сохранение совета, а для этого нужна была кровь. Эльтана. Ее хватало, были сделаны даже запасы, но у каждого консула когда-то были родные и некоторых еще давным-давно тоже посадили на кровь эльфа. Кто-то не хотел терять детей, кто-то мужей и жен, но дети не хотели терять внуков и скоро стало понятно, что такими темпами никакого Эльтана Сиршалленского не хватит, чтобы поддержать целый клан бессмертных людей. Консулы посоветовались и приняли решение, что каждый может держать только двоих «родных» не больше и не меньше.

Рута, жена Патрика была в бешенстве. У нее было четверо детей, каждый из которых был давно на крови Эльтана.

– Как я должна выбрать, Стен?! Я должна выбрать кому из моих детей жить, а кому умереть?!

– Они прожили достаточно. И ты консул. Принимай решение или его примут за тебя.

Рута быстренько организовала заговор и попыталась сама встать во главе совета. Но не преуспела. Стен не стал ее убивать или прилюдно отрывать голову, как сделал Эльтан с ее мужем. Он просто вышвырнул ее и лишил крови. Ей оставалось лет сорок в пустоте, забвении и медленном угасании. Ей и троим ее детям. Старший сын, Аджит, занял в совете место отца и никого, ни двух братьев ни сестру, не захотел почтить бессмертием.

Реджан в заговоре участия не принимал – он был еще мелким, не особенно влиятельным и Стен оградил его. Но он видел как Рута, поддериная пальто, гордо уходит из башни консулов, чтобы умереть в забвении. После трех сотен лет властвования над миром.

Тогда Реджан задумался о том, что он ведь тоже однажды вот так выйдет за дверь, чтобы никогда не вернуться... чтобы умереть? Не-ет! Вот уж нет, с ним такого не произойдет! Черта с два!

И вот он летел в башню с семью папками с красным грифом, в которых было написано «я бесполезный кусок дерьма и ничего не смог сделать, кстати мы все умрем». На дела, связанные с эльфами всегда ставили гриф «красный» и Реджан в силу «юности» первые пятьдесят лет и близко не касался остроухих. Не его это был уровень.

У консулов хватало забот. Террористические группировки, народные волнения, революции, эпидемии, преступность, развитие транспорта и как следствие бесконечные смерти

на дорогах и городские пробки, промышленность, демократия и организация выборов, перестройка городов, развитие авиации, войны, интернет, болезни. Все, что окружало людей в мире, было продумано и налажено чьей-то рукой. Их рукой.

Первое что поручили Реджану – приструнить пару распоясавшихся радикальных террористических группировок под руководством консула Аджита, отвечающего за внутренние дела страны, безопасность и военные структуры. В Кайрине прогремело два взрыва и это нужно было остановить.

Потом он вникнул в набирающую популярность «демократию» и организовывал первые свободные выборы президента страны под руководством Суреша, главы совета. Да и самого президента тоже выбирал. Нужен был неглупый, но и не святой человек. Такая должность предполагала определенную степень открытости, человек будет знать о совете консулов, а значит на него должны быть рычаги давления.

Люди очень любили власть и Реджан не стал исключением – ему нравилось быть на вершине пирамиды, среди царей горы – всемогущих и сильных.

В двадцать восемь он получил свое первое переливание и больше не менялся.

Работы было полно. Реджан Долмах был тем, кто ввел практику учить орков в отдельных школах, когда преступность в Кайрине росла год от года. Он выбил в совете средства на строительство новых оросительных каналов и провел закон о поддержке фермерства, когда заметил стагнацию в сельском хозяйстве. Черт, да чем он только не занимался за последние сто лет. Даже идею проклятого метро именно он протащил в совете.

Каждая проблема была вызовом и ее нужно было решить. И не у кого было спросить совета – они были верхушкой человеческой власти, и принимать решения и пожинать плоды стало обычной практикой.

Консулы жили долго, могли провести реформы и изменения, требующие времени. Это была их сила – совет не менялся уже три сотни лет, люди в нем обладали феноменальной властью, деньгами и главное – опытом.

А потом ему поручили таки первое дело с красным грифом. Наконец-то! Синране Халтера вырезал в Сигайне целую семью и каким-то образом сбежал из города, хотя они оцепили все. Как он выбрался они так и не узнали, хотя поймали его и запытали сволоту насмерть.

– Почему убил?

– Они заслужили смерть.

– И дети заслужили?

– Они не были детьми.

– Как выбрался из Сигайны?

– Духи лесные помогли.

И так по кругу много недель. Совет требовал результатов, эльфы много лет сидели тихо и вдруг такой фортель. Да и общественность негодовала. Времена изменились и скрыть все стало куда сложнее, чем в прошлом. Фотографии растерзанной семьи просочились в прессу.

И Реджан бросил церемониться. Стал пытать. Отловил жену убийцы и стал пытать ее. Ему нужно было узнать причину убийства и как эти чертовы остроухие покидают города.

Эльф молчал даже когда Реджан, взбесившись от бессилия, на его глазах стал рвать на жене одежду. Когда уложил ее на стол и изнасиловал. Как будто ему хотелось в юности заниматься вот такими «делами»! Но ему приходилось «пачкать руки» так часто, что он давно перестал это замечать.

У Реджана на руках было четыре трупа: отец, мать, сын пятнадцати лет и дочь двенадцати. И эльф, который не пойми с чего взбесился, убил всю семью и сбежал сквозь все заслоны, которые они ставили, чтобы запереть его в Сигайне.

Эльф не заговорил. Его жена тоже молчала. Они просто ждали смерти с долготерпением, которого у Реджана не было. Эльфы не ломались морально, как это частенько происходило с

людьми. Эти чертовы эльфы были упрямыми и стойкими не только физически. Что-то держало их, питало изнутри, смерть и муки не пугали их так, как пугают людей, а довести до истощения и потери внятного сознания не удавалось. Чертовы остроухие на попытку отнять сон, еду и пищу просто впадали в синар и через день просыпались как новые.

Первой умерла жена. Просто однажды утром не проснулась и через пару недель перестала дышать. Муженек-убийца пережил ее на пару месяцев, так и не заговорив. За две недели до его смерти кучка эльфов предприняла попытку штурма их башни, чтобы спасти убийцу. Неудачную попытку, они и в здание проникнуть не смогли, но сам факт был на лицо. Остроухие распоясались.

Консулы ввели визовый режим и запретили им перемещаться между городами без своего высочайшего соизволения. Эльтану было велено успокоить эльфов или «мы примем меры».

Вечный принц в очередной раз расстарался и все притихло и снова стало мирным.

Реджану пришлось расписаться в полной беспомощности в этом деле. Он провалил его. Никакой информации – ни причин убийства, ни путей преодоления границ, ни источника поддельных документов. Он потерпел фиаско и дела с красным грифом снова забрали у него. Не оправдал доверие.

Это поставило под вопрос его компетентность. Среди консулов, имеющих в распоряжении все ресурсы страны, неудача не рассматривалась как результат. Реджан боялся, что его вышвырнут, но Стен этого не сделал. Ему просто поручили другое дело, отправили заниматься экологическими проблемами и разгадкой тайны эльфийского сна, то есть сплывали от настоящей работы на скучную и вялотекущую исследовательскую. Реджан эльфов с тех пор терпеть не мог. Чертовы остроухие выродки. Убийцы!

Эльфийский сон был еще одной головной болью консулов. Разгадать его физику они так и не смогли, хотя неоднократно загоняли Эльтана в синар и снимали миллионы замеров. Целый отдел работал над тем, чтобы найти способ принести эту удивительную способность на службу людям. Если бы можно было ввести в синар больных раком детей! Умиравших от лейкемии подростков! С его помощью можно было бы спасти пострадавших в катастрофах. Черт побери он был бы чертовски полезен! Но они не могли разгадать его. Эльфы засыпали, их тела становились атомными станциями репродукции новых клеток. Но что именно вызывало такой эффект их ученые докопаться не могли уже много лет.

А потом двадцать лет назад Стен сложил полномочия главы совета и его место занял Суреш. Для Реджана это означало только то, что он, как его протеже, лишится всего покровительства и поддержки. Конечно же, он был не в восторге и принялся работать с утроенной энергией. И вот Суреш поручил ему чертов красный гриф. Смутные слухи о каком-то вирусе.

«Разберись с этим, дорогой».

И что в итоге? Реджан упустил полукровку, чуть не угробил драгоценного Эльтана и понятия не имел как остановить вирус бесплодия. Летел в Башню, ожидая худшего. Он получил внеочередное переливание драгоценной эльфийской крови из-за сломанного носа. Не станет ли оно для него последним?

Глава 2. Совет

Вертолет приземлился на крыше небоскреба. Реджан вышел, прижимая к себе злосчастные папки, и пошел к входу. Ему нравилась крыша их Башни, самое высокое место в городе, в том числе и по соображения безопасности. Тут можно было постоять и понаслаждаться видом, не боясь, что из соседнего окна высунется ствол винтовки с оптическим прицелом. Желающих убить консулов всегда было много. Некоторые знали о совете и хотели проредить его ряды. Последнее покушение было год назад и за ним стоял не кто-нибудь, а премьер-министр. Застрелить хотели Аджита, консула, что слишком закручивал гайки в военной сфере. Суреш захотел,

чтобы теневая торговля оружием стала не такой бойкой, религиозные фанатики в соседних странах стали слишком уж хорошо вооружены.

Аджит сократил поставки и кое-кто в правительстве потерял большие деньги. После этого консул словил три пули, но не в голову, и не умер, а министр полетел с должности, и вся его организация оказалась за решеткой или в море.

Около двери на лестницу как обычно дежурили охранники. Кивнули ему, сжимая автоматы. Реджан прислонил ладонь к сканеру и улыбнулся в висящую над дверью камеру.

Замок пикнул и дверь отворилась. Помощник шел следом, ожидая приказаний. Но кроме кофе и поиска средства от психосоматической мигрени Реджану нечего было ему поручить.

Они спустились на два пролета лестницы и подошли к лифту.

Заседания совета проходили на пятидесятом этаже здания и никто кроме консулов не был вхож на этот этаж. Реджан вышел из лифта, отпустил помощника ехать дальше и пошел по коридорам. Зал совета был дальше, но он все еще хотел кофе, а время позволяло. Он завернул в комнату, где стояла кофемашина и увидел в углу за столиком Литу.

Она, как всегда расхлябано заворотив ноги в модных спортивных кроссовках на соседний стул, сидела и пила какую-то фруктовую бурду из пластиковой бутылки. В ушах торчали наушники, в руках вездесущий телефон.

– Доброе утро, – поздоровался Реджан.

Она посмотрела на него скучающим взглядом и ничего не ответила. Реджан сделал себе кофе, подошел к ней. Лита была в совете пятой, ни с кем не была в близком родстве и занималась прогрессорством – как говорила она сама. В ее ведении были политика, СМИ, транспорт, культура, образование и науки. Это она свой невозможный проект разгадать эльфийский синар сбросила на Реджана и была этим крайне довольна. Конечно, всегда отлично когда провалился не ты, а кто-то другой.

– Доброе утро! – настойчиво повторил Реджан и девушка все-таки соизволила вытащить из уха один наушник.

– Чего? – нелюбезно отозвалась, сощурив глаза. Она носила только спортивную «модную» одежду, стриглась коротко и дерзко, выбривая себе то тут, то там какие-то рисунки, красила волосы в невозможные оттенки то персиковый, то зеленый. Сейчас ее шевелюра была ярко-розовой. Сколько бы Аджит не говорил ей, что рассекать по Кайрину на мотоцикле слишком небезопасно для консула она не слушала.

– Материалы, – Реджан протянул ей папку.

Лита демонстративно посмотрела на часы на руке – электронные смарт-часы, как заметил Реджан. Он носил классические кварцевые, которые были в моде, когда ему было двадцать, а все эти новые веяния считал мимолетной ерундой.

– У меня еще пятнадцать минут, – лениво откликнулась девушка и стала снова цедить свой смузи. До назначенного времени совета – десять утра – и правда оставалось время.

Реджан пожал плечами и вышел вон. И вот так всегда. Ленивая сука. Делает только то, что ей интересно, а разборки с остроухими ее увлекали мало.

Он дошел до дверей зала и осторожно придерживая кофе толкнул их.

Стол был овальным и пустым. Ни ноутбуков, ни микрофонов. Консулы предпочитали просто разговаривать. Реджан иногда бесился, что в этом зале не было проектора, чтобы показать какие-то выкладки, статистику, но старики не жаловали новые технологии. Приходилось изворачиваться и печатать им на бумаге, в которую они и то ленились заглянуть.

В уголке на стуле сидел старик Стен, опираясь двумя руками на трость.

Реджан удивленно замер.

– Стен? Что ты тут делаешь?

Наставник заметно сдал за двадцать лет без переливаний. Прорезали лицо морщины, волосы поседели, а ходить он мог уже только с тростью.

– Доброе утро, Реджан, – сказал он своим привычным невозмутимым и доброжелательным тоном.

Реджан поставил кофе напротив своего стула, бросил папки на стол и подошел пожать наставнику руку.

– Извини, не знал, что ты будешь.

– Ну... – по-старчески безмятежно вздохнул Стен. – Раз уж я основал этот совет, то думаю в нем всегда найдется для меня стул, не так ли?

– Конечно, – улыбнулся Реджан, а сам подумал, что Суреш будет не в восторге от присутствия старого главы совета. Их лидер не терпел поползновений в сторону собственных полномочий. – Ты привез Мередит?

– Да, она сегодня тоже поприсутствует. Думаю ей пора работать. Она готова.

– Тебе виднее, – пожал плечами Реджан и тут же досадливо подумал, что распечатал только шесть папок, не рассчитывая на седьмого консула и старика Стена.

– Как идут дела? – спросил Стен вежливо. Реджан раздраженный и нервный оттого, что ему сегодня и так придется расписываться в собственном провале, не хотел делать это дважды.

– Расскажу как все придут, – отрезал он, сел за стол и стал листать папку, попивая кофе.

Через пару минут открылась дверь и вошла новая ученица Стена Мередит. Реджан смерил ее взглядом, отмечая, что с двенадцати, когда он видел ее единственный раз, она сильно изменилась. Светловолосая и бледнокожая, худая, высокая, она мало походила на Долмахов, темноволосях и смуглых. Кровь в семье за триста лет с кем только не перемешалась.

– Доброе утро, консул, – она кивнула Реджану.

– Доброе утро.

«Хоть кто-то тут еще вежлив» – подумал он зло, вспоминая занозу Литу.

Мередит принесла старику чай в тонкой фарфоровой чашечке на блюде.

– Вот, только осторожнее, горячо, – заботливо вложила она в дряблые руки Стена чашку.

– Спасибо, Мередит. Ты очень добра.

Стен сидел у стены, не за столом, что показывало, что он не в совете. Мередит скованно потопталась около стульев.

– Эм... где тут свободно, Реджан?

Стульев было десять.

Реджан жестом указал ей на тот, что обычно оставался пустым.

– Спасибо.

Мередит отодвинула пафосный офисный стул, обтянутый дорогой белой кожей, и села. Придвинулась к столу, скованно положила на него руки.

– Ух, какие странные ощущения.

Реджан изобразил улыбку. Он боялся, что сам сел за этот стол в последний раз и видеть, как юная Мередит садится за него впервые, ему было противно. Он тоже когда-то был таким. Первый раз сел за этот стол, радовался, горел, думал, что будет приносить пользу, спасать жизни. Мда... Не так все вышло и работа эта оказалась не такой уж безоблачной.

Открылась дверь и вошел Боб. Он был в деловом костюме и с ворохом бумаг. Занимался финансами, экономикой и производством. Аджит, насмехаясь, называл его казначеем, что было недалеко от истины.

– Доброе утро, коллеги, – пробурчал он не отрываясь от планшета и сел на свое место. Глаз он не поднял, так что даже не заметил, что в уголке сидит старик Стен.

– Доброе утро, – отозвалась Мередит звонко. Боб удивленно поднял глаза. Он был когда-то сильным и тренированным, но за последние пятьдесят лет растолстел и стал грузным. Волосы у него еще в двадцать начали редеть и огромные залысины освещали виски. Реджан слышал, что он балуется наркотиками, но возможно это были просто грязные слухи, которые Аджит – ненавидящий половину мира – распускал о неприятном ему «рохле и счетоводе».

- О, у нас пополнение. Мередит, кажется.
- Да все верно, Бабар. – улыбнулась девушка. Боб скривился.
- Прошу, называйте меня просто Боб, – натянуто сказал он.
- Хорошо, – поспешно поправилась Мередит. – Извините.

Консул кивнул и посмотрела на старика Стена.

– И ты тут? Что привело? – спросил он заинтересованно. Стен попил чай и улыбался.

– Я услышал, что у вас беспокойно. Захотел послушать что как, – пожал плечами Стен и добродушно улыбнулся. Боб напротив помрачнел.

– Беспокойно? – тут же насторожился консул и накинулся на Реджана. – Ты еще что-то не рассказал? Мне нужно все. Котировки могут пойти вверх или вниз от любой ерунды. Ты в курсе как лихорадило рынок после представления Эльтана? Любые террористические акты пагубно влияют на любые отрасли кроме военной. Ты сыграл на руку Аджиту, теперь все будут снова орать на всех углах, что повышение финансирования военной статьи расходов оправдано.

– Отстань, Боб! Я расскажу все, как только появятся остальные. Не кипятись. – Реджан толкнул к Бобу папку. Этого парня он не боялся. Боб был увлечен цифрами и его таланты нашли свое применение. Он создал финансовый рынок, провел промышленную революцию, научил людей считать деньги. Но Реджан знал, что кроме цифр Бобу собственно ничего не интересно. Он не рвался к большей власти в совете и просто работал, не отсвечивая. Эта его черта – бесконфликтность – словно тряпка на быка работала на Аджита – полную его противоположность.

– Отстань! – фыркнул Боб презрительно. – Стен тоже как-то сказал мне отстать, да Стен? – Боб ехидно повернулся к старику. – И что тогда было, напомним?

– Мировой финансовый кризис двадцать шестого года. Да, скверное время.

– А я предупреждал тебя. Я приносил тебе прогнозы. Но нет! Никому не интересны цифры! У всех все отлично, пока на улицах не начинают умирать от голода безработные босяки! – высказался Боб в пустоту. Никто не обиделся и не прислушался. Только Мередит опасно сглотнула.

«Ничего, ничего, девочка, – подумал Реджан зло. – Привыкай. Думала, попала в кружок добрых друзей? Ага, как бы не так».

Боб вернулся к своему планшету, отложив папку Реджана в сторону. Тот досадливо сморщился. Конечно, станет тут кто тратить время на его умозаключения. Послушают в пол уха, оценят влияние на свою отрасль и уйдут.

Мередит потянулась к его папкам.

– Можно мне?

Реджан отдал свою. Накой она ему? И так все наизусть знает.

Девушка открыла и стала вдумчиво читать. Реджан про себя язвил: ну-ну, какая активистка. Все мы такими были поначалу.

Распахнулась дверь и в зал вошла Лита.

– ...пристрой его в другое место! – зло бросила она через плечо. – Если еще есть что пристраивать!

За ней вошел сально улыбающийся Аджит Долмах. Реджан неосознанно подобрался. Вот этого консула он боялся. А кто бы не боялся? Аджит был здоровым как черт, мощным и злым. Злым на целый свет и любой мог стать его мишенью.

– Тебе просто нужно попробовать, моя роза, – ухмыльнулся он, не отрывая взгляда от зада Литы в обтягивающих брюках.

– Иди на хер! – она показала ему средний палец и плюхнулась на свое место. Аджит на жест не отреагировал. Тот ничего для него не значил. Реджан давно заметил, что такие вещички, как оскорбления или жесты если не задевали тебя в юности, то и через три сотни

лет не заденут. Аджиту в его молодости не показывали средний палец, тогда еще не принято было, вот и не злился он.

Он был одет в костюм, но безбашенно распахнутый. Рубашка была расстегнута до груди, из выреза торчала жесткая черная поросль. Реджан чуть не поморщился от отвращения. Вот же кадр.

Их «военный» консул отодвинул свой стул, вальяжно сел, раздвинул ноги и повернулся к Лите. Она закатила глаза и уткнулась в телефон. То, что Аджита бесила современная и прогрессивная Лита ни для кого не было новостью. Он постоянно подначивал ее и убеждал, что если она найдет себе член покрепче чем ее обычные любовники, то станет и нормально одеваться и чувствовать себя женщиной, а не средним полом.

Эти перебранки Реджан слушал уже больше ста лет, ничего нового.

– У! – Аджит ухмыльнулся. С их последней встречи он зарос густой темной бородой. Реджан лишь кивнул ему в знак приветствия, открывать рот лишний раз, заводя с ним разговоры, он не хотел. Глаза консула неестественно, как обычно слишком алчно и зло, сверкали. – Кто это тут у нас? Свежее мясо?

Мередит уже отложила папку и улыбнулась ему.

– Добрый день, Аджит. Я – Мередит.

– Новая девочка от Сары? – он поглядел на старика Стена. – Спасибо, почтенный консул, ты порадовал мой взор.

Стен вздохнул, словно его донимал первоклассник.

– Рад тебя видеть, Аджит. Да прольются воды на земли твои и будут хлеба высоки и...

– Да-да! – оборвал он старика. – Теперь уж не принято так, дорогой дедушка. Вот Лита тебе сейчас расскажет как нынче нужно здороваться. Ну? Чего молчишь?

Лита в наушниках сидела и пялилась в телефон.

– Смотри на меня, когда я говорю! – взорвался Аджит и вырвал у нее телефон.

Лита медленно вынула из ушей капельки наушников.

– Ты меня достал, – сказала спокойно. – Отвали от меня раз и навсегда, качок тупой.

По губам Аджита поползла улыбочка. Страшная.

– Говори еще, твой голос улада для уха, моя роза. – сказал он так, что у Реджана что-то сжалось внутри. У Аджита в подчинении была армия и все силовые структуры. Реджан не рискнул бы с ним ссориться.

«Кто-то должен делать опасную и грязную работу, дорогой, – сказал ему как-то Суреш. – Аджит справляется с ней лучше всех, а то что он невежлив и не обходителен... Что ж, у всех нас есть свои недостатки».

Лита с надменным лицом придвинула к себе папку, стала читать. Мешать работе Аджит уже не смел. Хмыкнул, отвернулся и стал пялиться на Мередит, пожевывая губы и цокая языком.

– Ничего девочка выросла. Но больно уж тощая. Не кормишь ты ее что ли, дед? – он хрипло рассмеялся собственной шутке. Реджан усилием воли подавил вздох, а вот Лита глаза закатила. Три сотни лет назад Аджит был шутником хоть куда, но сейчас уже нет. При современном ритме жизни и образования он был тупым неповоротливым увальнем, с единственным неоспоримым талантом – решать проблемы силой. Это он умел как никто. Оружие и война была его стихия. В этом он поспевал за временем и разбирался отлично, а вот то, что женщины больше не обязаны носить юбки, у них признана душа и им дали право голосовать, оставалось для него непостижимой глупостью.

Реджан встал, разложил оставшиеся папки на местах, которые обычно занимали консулы.

Аджит свою принял нехотя и бросил на стол. "Так расскажут в чем суть, читать еще! Тьфу!" – было написано на его лице.

В пять минут одиннадцатого вошли Суреш и Ума.

– Приветствую всех, – сказала Ума ласково. В ее повадках всегда сквозило что-то материнское, нежное, но и покровительственное. – Папа, какой приятный сюрприз! – она проплыла по комнате к старику Стену.

Хоть Аджит и называл его дедом, они не были в таком родстве. А вот Ума была дочерью Сари на самом деле. Ее он в тридцать восемь лет посадил на кровь Эльтана Сиршалленского и ввел в совет консулов. Реджан посмотрел как они милуются: она присела на корточки перед ним и отец положил ладонь ей на макушку, словно благословляя. Ума всегда одевалась очень женственно. Только платья, никаких брюк. Шали, платки, длинные нитки бус и пышные висячие серьги были ее привычными аксессуарами.

– Как я рада, ты осветил мой день своим приходом.

– И я рад, дочь моя.

Суреш нетерпеливо постучал пальцами по столу. Он не мог сесть, пока не села Ума. Он был главой совета, а значит занимал место последним. Ума, его жена, тут же поднялась и села на свое место, обведя всех приветливым взглядом.

– Очень рада всех видеть. Аджит, какая чудесная борода. Ты решил отрастить ее до пояса, как пророк Иштар?

– Не думаю, что дойду до такого. Он избегал женщин. Не стать мне праведником.

Ума безмятежно улыбнулась и перевела взгляд на мужа.

Суреш в классическом темно-синем костюме – высокий, худой и строгий – занял место во главе стола.

– Доброе утро, дорогие, – проскрежетал он своим вечно усталым голосом. – Реджан, пожалуйста, начинай.

Ну вот и пришел момент его позора. Все наконец собрались. Реджан обвел их взглядом. Худой Суреш, полуприкрыв глаза, готовился внимать, мощный Аджит сально пялился на модницу Литу, та смотрела в папку, пухляк Боб нехотя отложил планшет, на котором еще горели биржевые котировки. Юная Мередит помалкивала и с вежливым вниманием смотрела на него, а Ума поправляла богатую шаль и с материнской заботой поглядывала на всех по очереди. Старик Стен опирался на трость в уголке и прикрыв глаза дремал.

Реджан вздохнул и заговорил.

– О том деле, что вы поручили мне полгода назад.

– По которому ты облажался. – заметил Аджит едко. Суреш посмотрел на него и тот, хмыкнув, показал «молчу, молчу».

– Я не мог ничего сделать. Полукровка сбежал, Эльтан тоже. Впрочем, это вы все и так знаете, я вас собрал не для этого. Дело куда серьезнее. Тот сигнал из Сиршаллена, что есть некий вирус бесплодия, похоже оказался достоверным. У нас готова статистика и она внушает тревогу, – Реджан кивнул на папки. Суреш пододвинул свою к себе и стал листать, Ума тоже, Аджит демонстративно потянулся и оставил руку на спинке кресла Литы. Она отъехала от него немного, чтобы рука упала.

– Статистика по четырем городам. Кайрин, Сланден, Торедо, и Лудар. Падение рождаемости во всех четырех. Хуже всего – Сланден. Там уже активизировались журналисты и независимые интернет-издания.

– Ты выяснил что это за вирус, дорогой? – Суреш перелистнул страницу.

– Да. Вернее, мы нашли его, но штамм нам не известен. Я собрал образцы зараженной или потенциально зараженной крови, собрал оперативную группу вирусологов, нашли вирус, исследовали.

– И? – глава поднял глаза от папки.

– Как остановить пока не знаем. Канал заражения – пища. География заражения обширная, но есть подозрения что концентрация в этих четырех городах. Источники заражения были

в них. Мы провели испытания вируса на млекопитающих, фертильность убита и у самок и у самцов, как минимум в девяноста процентах случаев и он заразный как чума.

– Это серьезно, – Ума быстро вчиталась в выкладки цифр. – В каких еще городах брали замеры? Нам нужно вводить карантин и срочно. – здравоохранение было в ее сфере деятельности, так что отчасти Реджан надеялся, что эпидемию бесплодия он сбросит с себя на плечи Умы. Она в конце-концов у них главная по поддержанию жизнеспособного населения. Но не понимать, что эта заварушка возможно самая важная за прошедшие сто лет, в которые он был в совете Реджан не мог, и остаться за бортом веселья тоже не хотелось. Он хотел показать себя нужным, или его выкинут из совета к чертям собачьим.

– Не спеши, Ума. Нужно рассмотреть все варианты, – сказал Суреш безмятежным тоном. Жена удивленно посмотрела на него, но послушно замолчала.

– Я затребовал образцы крови всех, кто обращался по проблеме бесплодия за последние шесть месяцев по стране. – отчитался Реджан.

– Результаты?

– Готовы частично. Половина образцов еще в пути. Пока соберешь и доставишь...

– Ты просто поторапливать не умеешь, – ухмыльнулся Аджит. Папку он так и не открыл.

– Половина образцов пришла, – не отреагировал Реджан. – Зараженные есть в каждой группе. У нас эпидемия. – Реджан попытался подобрать эпитет поточнее. – У нас чума в полном разгаре, только мы ее не видим, потому что никто не умирает. Но по расчетам моей группы, зараженных могут быть уже миллионы.

– Каналы распространения? – Лита хмуро листала листки. – Еда?

– Я проверил семь выявленных носителей и их семьи. Снял статистику: куда ходят, что пьют, едят. В воздухе следов мы не нашли, вирус передается через контакт кожи. Воду проверили во всех городах, где есть зараженные. Да, это еда. Они заразили продукты на каком-то этапе производства.

– Как они это смогли сделать? – нахмурился Суреш.

– Полагаю, не обошлось без орков, – влез Боб, почуяв, что раз прокол случился на производственных предприятиях, то его вот-вот сделают крайним и ответственным. – Они же у нас работают на заводах и фабриках. И моя промышленность, хочу заметить, работает исправно. Голода у нас уже сколько не было? А? Я вас спрашиваю, когда в последний раз был недостаток в продовольствии?

– Никто ни в чем не обвиняет тебя, Боб, – ласково сказала Ума.

– Это Реджан решил, что нужно учить орков! Ты же им школы сделал и производственные подряды. Так что извини! – и он сделал жест, будто умывает руки. Реджан сжал зубы. Ну конечно, когда орки на улицах перестали резать и убивать он был хороший, а как эльфы договорились с ними, чтобы отравить еду – так Реджан во всем виноват!

– Да плевать на орков! – гаркнул Аджит. – Они тупые звери и церемониться с ними нечего. Лучше про остроухих думайте. Они же это все затеяли, не орки. А я говорил давай дождем их, когда была возможность. Говорил? А, дед? Что молчишь?

Все посмотрели на старика Стена в углу, но тот по своей старой привычке сидел с закрытыми глазами и будто спал. Раньше он частенько делал так, закрывал глаза, чтобы сосредоточиться на сказанном, но сейчас, когда, он постарел на двадцать лет он мог и правда по-стариковски дремать, так что все немного смешались.

– Каковы прогнозы? – спросил Суреш, складывая руки на закрытой папке.

Реджан раздраженно подумал, что на последних страницах он те самые прогнозы подробно расписал, но куда там. Никто не желает читать. До них долистала только Лита и Мередит. Они читали и обе хмурились.

– Паршивые, – сказал Реджан твердо. – Если ничего не делать – у нас двадцать лет максимум. После этого будет резкий обвал трудоспособного населения. Люди, скорее всего, вымрут.

Тот процент подопытных млекопитающих, что сохраняют репродуктивность, слишком мал. А учитывая что будет твориться, когда все поймут, что происходит, я прогнозирую еще некоторое количество потери этого населения из-за терактов, беспорядков, голода и так далее.

За столом совета повисла тишина. Суреш открыл папку и стал листать страницы, постукивая тонкими пальцами по краешку стола.

– Интересная ситуация, – проговорил он. Аджит громко фыркнул.

– Интересная ситуация? Да это покруче черной смерти. Ну давайте, умненькие мои, – он повернулся к остальным консулам, предлагайте, что делать будем? Ума? Эпидемии это по твоей ведь части?

Жена главы совета осторожно закрыла папку и поправила дорогую шаль с бахромой.

– Да. Эпидемии – моя забота. Но это не болезнь. Это планомерное отравление населения. Иными словами – теракт. Агрессия против наших граждан. А это, мой дорогой племянник, уже по твоей части не так ли? – сказала она спокойно. Аджит захохотал.

– Ну да, теракты – это ко мне, естественно!

– Как вышло, что эльфы смогли собрать ученых и провести исследования такого толку и ты об этом не узнал? Где твоя сеть шпионов? Где твой контроль над разработкой биологического оружия?

– Это не оружие, раз оно не убивает! – огрызнулся Аджит.

– Разве? Убивает, только медленно.

– Довольно! – Суреш поднял руку, останавливая перебранку. – Я хочу услышать что делать, а не кто виноват. Какие действия нам предпринять? Ума?

– В первую очередь я рекомендую карантин. Нужно отделить зараженных от не зараженных остановить распространение заболевания. После этого – инспекция всех заводов еды, найти каналы распространения и пресечь их. После – поиск лекарства. Сначала нужно остановить дождь, а потом уже сушить белье, мой дорогой супруг.

Ее выслушали, но как только она закончила Боб и Лита заговорили разом.

– Будет паника.

– Это вызовет крах финансового рынка!

Они переглянулись и Лита жестом предложила ему говорить.

– Строгий карантин парализует экономику. Мы окажемся в худшем кризисе за всю историю. Если зараженных миллионы, кто работать будет? А если не будет рабочих, то не будет и еды, воды электричества. Это... – Боб пожал плечами. – Мне нужно время на расчеты, я сходу даже не могу предположить все последствия.

– Перед карантином нужно продумать порядок его объявления, – заговорила Лита и даже отложила свой сотовый. – Мне нужна позиция официальных властей: чем мы больны, почему это случилось, кто виноват и что делать. Если не разъясним – будет паника, теории заговоров, беспорядки и жертвы. Это нужно сделать быстро. Я вижу тревожные сигналы в независимых СМИ, слухи о грядущем кризисе рождаемости уже ползут. Мы должны сделать заявление и быстро, пока не дискредитировали нашу формальную власть. Если случится импичмент то захватить госаппарат каким нибудь фанатикам в такой катавасии будет несложно. Выкуривай их потом из Капитолия. Нужно это предупредить.

– Никто ничего не захватит в моем городе, – отрезал Аджит и сурово глянул на девушку. – Следи за языком! Когда хоть раз мои войска не подчинялись?

– А когда им и их семьям в последнее время грозило вымирание? – уточнила Лита спокойно.

Аджит грохнул кулаком по столу.

– Армия будет за мной даже если драконы прилетят. И плевать на ваши болячки, которые даже никого не убивают. Кого вообще может напугать такая эпидемия?

– Будь дальновиден, Аджит. – пропела Ума ласковым голосом. Реджан заметил, как она крутит на пальце кольцо – перламутр и алмазы. – Твои воины умрут через тридцать – сорок лет, и тебе нечем станет их заменить. Что будет тогда? Люди умирают. Они же не эльфы.

Все снова умолкли, размышляя.

– Мередит... – раздалось из угла, где сидел старик Стен. Девушка обернулась. Все подумали, что он хочет еще чайку или что-то вроде того. – Что ты думаешь?

Девчонка сглотнула, посмотрела в папку. Реджан насмешливо фыркнул – да кому интересно что думает эта соплячка?

– Опасность большая, но время еще есть. Главное на данном этапе – избежать паники. Нам нужно сделать заявление, пока его не сделал какой-нибудь ученый. Если нас опередят – власти будут дискредитированы и потеряют доверие. Я бы сделала заявление с теми данными что уже есть, ввела бы нестрогий карантин, попросила людей не касаться друг друга, если болезнь не передается через воздух. И, разумеется, нужна причина. Я бы не стала объявлять, что нас травят – это почти стопроцентная паника и опять же озлобленность и вероятность беспорядков, бунтов и переворотов. Я бы списала все на просто заболевание, которое взялось откуда-то.

– Вы все мыслите как обычно. – сказал Суреш устало. Зевнул, прикрывая рот ладонью. – Мелко. Суетно. Так... по-людски, – добавил он презрительно. – Ты помнишь как нам нужно было перестроить столицу, Лита? Ты настаивала, что нужны проспекты, широкие улицы, чтобы транспортное движение развивалось. И тогда случился великий пожар и снес все те лачуги и старые дома, что тебе так мешали. Кризис превратился в возможность, а возможность в будущее. У нас назревает кризис, но вы как жалкие матросы на тонущем судне пытаетесь затыкать дыры и откачивать воду, вместо того чтобы вылезти из трюма и посмотреть вокруг в поисках земли. Я хотел бы, чтобы вы посмотрели на эту ситуацию как на возможность. Итак, какие перспективы перед нами открываются?

За столом повисло молчание. Все консулы судорожно размышляли.

– Разумное сокращение населения и решение острой проблемы с перенаселением без жесткой демографической политики, – первой высказалась Ума, небрежно закуталась в шаль и с вызовом поглядела на остальных. – Сокращение производства и потребления решит и экологические проблемы. Для планеты это будет только на пользу.

– Меньше людей – меньше ресурсов. – сказал Боб. – С другой стороны, и потребностей меньше. Можно сконцентрировать производство в центральных районах и оставить периферию подыхать от голода под благовидным предлогом.

– Будет доступно введение военной диктатуры. – подхватила Лита. – Комендантский час, военное правительство и проведение любых действий и законов.

– И все можно свалить на эльфов, сделать из них врагов для всего народа и уничтожить. – поспешил вставить свои пару слов Реджан.

Все посмотрели на Аджита, который один от молчался.

– Что? – вскинулся он. – У меня под четыре тысячи боевых машин и триста тысяч военнослужащих. Ну допустим, мне хватит и ста тысяч обученных людей, чтобы поддержать войска в боевой готовности. На две трети мы можем упасть, но не на девяносто процентов. Это будет крах. Кто будет защищать ваши задницы, если все люди умрут?

– Две трети... – задумчиво сказал Суреш. – Что ж, будем иметь в виду. Реджан, ты ничего не упомянул о том, как эта зараза действует на орков. Есть информация?

– Э... нет, – со стыдом признал Реджан. – Я не успел...

– Займись этим. Ума, ты должна подключиться к вопросу. Мы не должны упасть больше чем на шестьдесят пять процентов от текущего населения. И что важно – орки должны упасть

наравне с людьми. Хорошо бы и эльфы, но боюсь этих существ болезни не возьмут, как обычно. Но проверить стоит. Если этот вирус не действует на другие расы, его стоит доработать.

– О чем вы говорите? – звонким голосом встряла юная Мередит. – Вы... вы что? Вы хотите травить орков и эльфов?

Все уставились на нее как на неразумное дитя.

– Если людей станет меньше, а других рас останется столько сколько есть, это качнет весы в ненужную нам сторону, – пожал плечами Суреш. – Не знаю что там думал юный полукровка, когда делал свою отраву, но что-то подсказывает мне, что он мог и позабыть о наших клыкастых друзьях, сосредоточившись на нас. Тоже самое эльфы. На них, я полагаю, этот вирус не действует, хотя наши остроухие друзья и так не слишком плодовиты, к нашему счастью.

– Мы можем использовать кровь Эльтана, – сказала Мередит. Все снова вылупились на нее как на полоумную.

– Прости, дорогая? – Суреш снисходительно посмотрел на новенькую. Она сглотнула и, набравшись храбрости, продолжила.

– Кровь Кайранэ излечивает раны, останавливает старение. Ее можно использовать в противоядии. Он у нас, можно исследовать и вывести вакцину. Может быть его кровь вылечит больных и не придется...

– Ты очень молода, Мередит, – сказал глава совета со снисходительной улыбкой. – Этот вопрос не в твоей компетенции.

Девушка мучительно покраснела и умолкла. И правда, куда ей, впервые севшей за стол совета, не получившей еще ни одного переливания распорядиться кровью Вечного Принца.

– Я буду ждать ваши прогнозы через неделю. Подумайте как нам использовать эту ситуацию с наибольшей выгодой. На сегодня все.

Все поднялись и потянулись прочь из зала. Реджан собрал со стола папки, им владело облегчение. Уф, не выгнали и отлично. По крайней мере никто не обвинил его в этом деле. Напротив, Суреш даже заинтересовался. Хм, что ни говори, а глава совета не зря был главным, он мыслил стратегически.

– Дедушка, – Мередит дотронулась до плеча Стена. – Уже все.

Старик открыл глаза и посмотрел на нее. Улыбнулся.

– А... Хорошо. Тогда пойдем, пожалуй.

– Ты хорошо держалась, – похвалил Реджан новенькой. – Но про кровь Кайране лучше не заикайся. Они ревностно к ней относятся и уж конечно не станут использовать на каких-то там людей.

– «Каких-то там»? – Мередит гневно посмотрела на него. – Я думала, этот совет создан чтобы защищать людей.

– Подумай еще раз. Ты теперь консул, это твоя работа, – едко заметил Реджан.

Стен закричал и тяжело встал, опираясь на трость. Девчонка заботливо поддержала его под локоть. Реджан посмотрел на это с толикой ревности. Когда-то он был учеником Стена, но дедушкой его не величал. А теперь вот со стариком эта выскочка. Ничего, если будет и дальше так высказываться ей живо укоротят язык. Стен ковылял мимо, остановился и тронул Реджана за плечо.

– Ты не виноват, – сказал старик.

– Конечно не виноват! – возмутился Реджан. – С чего бы...

Стен похлопал его по плечу и вышел, поддерживаемый воспитанницей. А Реджан остался один в зале, сжимая свои проклятые папки с красным грифом на обложке.

Конечно он не виноват! Что он мог сделать? Он сделал все, что мог! Реджану стало страшно. А что если это все была игра и завтра его обвинять? Не об этом ли предупредил его Стен? Вот так всегда – старик вечно мог одним словом вселить в него ужасные сомнения и тревогу. Реджан с двенадцати лет старался, учился, всеми силами пытался соответствовать и

быть достойным. В первую очередь в глазах Стена, старика Сари Долмаха, который подписал Соглашение о Землях. Но сколько бы он ни старался, с тех пор как начал работать консулом он знал – он не оправдал надежд Стена. Не оправдал. Он делал что-то не так. Не то, что от него хотел старик. И вот он ушел из совета и выучил эту соплю Мередит. Она интересно ему нравится? Такая она как ему надо? А какой вообще он должен быть, чтобы получить одобрение от проклятого Долмаха?

Стен. Дурацкое имя, которое он взял, чтобы не привлекать внимания своим слишком непривычным, старым и известным Уже двадцать лет он без переливаний, состарился до того что понятно – никто уже не захочет жить в таком неможном больном теле, а переселение душ это сказочки для идиотов. Реджан не собирался ни стареть ни умирать. А от чувства недовольства Стена его очень скоро освободит его кончина.

– Сдохни уже поскорее, старый пень! – проворчал Реджан озлобленно и последним вышел из зала совета.

Глава 3. Свежая кровь

Мередит довела Стена до лифта, они дождались кабинку и вошли внутрь. Старик сам нажал на кнопку тридцать восьмого этажа.

– Ты все услышала? – в голосе его пропала старческая немощь.

– Да.

– Хорошо.

Молча они доехали до нужного этажа. Вести разговоры в Башне Консулов было слишком опасно так что Мередит помалкивала. Стен вышел из лифта, показательно опираясь на клюку. Она действительно была нужна ему, хотя при совете он предпочитал изображать старческую немощь несколько более показательно.

Тут по коридорам сновали люди и служащие. В основном ученые в белых халатах. Тридцать восьмой был этажом Литы, консула что отвечала за исследования и за их главную драгоценность – кровь Эльтана.

Они прошли мимо кабинетов с прозрачными стеклянными стенами. Где-то стояли офисные столы и компьютеры, где-то виднелись лаборатории с инструментами и медицинским оборудованием. Стен довел ее до двери, закрытой на замок со сканером ладони.

– Попробуй ты, – приказал он. Мередит послушно приложила ладонь. Сканер пробежался светом по ее руке и мигнул красным.

– Ожидаемо. Тебя еще не внесли в список доверенных лиц и вряд ли внесут в ближайшие пятьдесят лет. Вернее, внесли бы, если бы все шло как обычно, – он вздохнул и приложил ладонь сам. Сканирование прошло положительно, замок пикнул дверь отворилась.

– Тебя они тоже могут выкинуть.

– Не выкинут пока я не опасен. А что опасного может быть в старике?

За дверью был длинный коридор с зеркальными стенами. Стен пошел по нему помахав кому-то за стеной.

– Тут наблюдатели?

– Да. Всегда дежурит охрана. Стены из бронированного стекла. И это, – он указал пальцем на торчащие из потолка камеры и неприметные пазы, сейчас закрытые.

Мередит знала что это. При нужде в этом узком коридоре всех могли отравить газом. Коридор тянулся метров на пятнадцать, они прошли его и уперлись в еще одну дверь. Стен приложил ладонь и посмотрел в сканер сетчатки.

Дверь открылась.

За ней было темное помещение без окон.

– Снаружи стоят окна-фальшивки, но на деле это бетон толщиной почти в метр. Самый охраняемый этаж здания после первых шести.

– Я понимаю, – кивнула она рассматривая темноту помещения. Тут было прохладно и темно, по стенам тянулись металлические шкафы. Чем-то напоминало морг. Они прошли вперед и уперлись в непрозрачную занавесь из пластиковых полосок.

Стен тростью отвел их в сторону, пропуская Мередит вперед.

За ними оказалось нечто напоминающее больничную палату. Стояла койка, вокруг мигали лампочкам приборы, снимающие показатели жизнедеятельности. Капельница с прозрачными пластиковыми пакетами с медикаментами стояла в изголовье, тянулись трубочки.

На койке лежал бледный, обритый наголо мужчина, в больничной рубашке. Мередит отметила острые эльфийские уши и с неосознанным трепетом подошла ближе.

– О... – только и смогла она сказать глядя на знаменитого Эльтана Сиршалленского впервые в жизни. Он мало походил на того эльфа, которого она привыкла видеть по телевидению и о делах которого узнала все в ходе своего обучения.

На голом черепе пробивался едва заметный светлый ежик. Щеки чуть ввалились, он заметно похудел. Губы, сухие потрескавшиеся, были приоткрыты. Она знала, что Эльтан лежит в синар всего-то две недели, но эльф уже выглядел иначе, чем обычно. Нездоровым.

– Он не на аппарате... – отметила она немного напугано, кивнув на сгучающую на столике кислородную маску. От мысли, что Эльтан может вскочить и задушить ее одной рукой стало жутковато.

– Нет. Он дышит сам. Питание нужно, но даже если давать только воду, эльф в синар может не умирать годами. По настоящему им нужен только воздух.

Стен вздохнул глядя на эльфа. Покачал головой.

– Лита у нас главный эксперт по синар, говорит что скорее всего он не умрет. Из тех немногих источников, что у нас есть, мы знаем, что лечебный сон редко переходит в смерть, а он ушел в синар из-за раны. Но возможность, что он все же умрет, исключать нельзя. Синар – тонкая область и очень слабо изученная. По простому – это кома. Он просто спит, а тело лечит его из тех ресурсов, что нам с тобой недоступны и не разгаданы до сих пор. Может быть он видит сны, – Стен подошел к эльфу с другой стороны кровати и поглядел на него с жалостью. – Не так я представлял себе будущее, Кайранэ.

Мередит жадно рассматривала эльфа. Обритая голова была непривычна, но ни одного шрама на коже не было. Лицо тоже было совершенно гладким – не щетины, ни родинки, ни царапины. Идеальная эльфийская кожа, которой смертные так стараются подражать, выливая на себя тонны косметических средств. Мередит отчего-то не могла отвести взгляда от руки эльфа, лежащей на одеяле – изящная кисть с длинными пальцами, на которых уже начали отрастать пару недель не стриженные ногти. В локте эльфа стоял катетер, к нему была подключена капельница.

– Что ему колют?

– Наше самое сильное седативное. На всякий случай. Если вдруг произойдет что-то непредвиденное и он очнется, Кайранэ будет дезориентирован по крайней мере пару часов.

– Осторожность прежде всего, – улыбнулась Мередит и посмотрела на торчащие в углах стен камеры. Со всех четырех сторон разом.

– При заборе крови препарат приходится останавливать. Тогда его пристегивают к койке. Пуля осталась в мозгу давит на него, специалисты утверждают, что он не очнется пока ее не вынуть, но если дело касается Эльтана – предосторожности не могут быть лишними.

– Я понимаю, – Мередит поежилась то ли от холода, то ли от страха. Эльтан Сиршалленский, убивший консула и без счета простых людей внушал ей трепет. Даже лежа было видно насколько он высок, и хоть эльф и осунулся и исхудал, но плечи все еще были широкими. Для Мередит на койке лежал опасный убийца, существо, что пощечиной может размозжить ей голову и для него это не будет значить ничего. Прихлопнул досадливую муху не больше. Мере-

дит четко осознала, что предпочла бы никогда не видеть Эльтана Сиршалленского в сознании. Она была ему врагом, хотела она этого или нет. Так уж сложилась судьба.

– Что думаешь? – Стен посмотрел на нее внимательным цепким взглядом.

– Жутковато, – не стала юлить Мередит.

– Когда он в сознании, еще более грозен, – ответил Стен с улыбкой. – Я видел оторванную голову Патрика своими глазами. Ужасное было зрелище. В гневе этот эльф силен и безжалостен. Суреш питал надежду, что триста пятьдесят лет рабства сломили его. Но как показали последние события, этого не случилось. Будем надеяться, что тебе не придется встречаться с ним, Мередит. Всегда помни, что на текущий момент для большинства эльфов люди – просто пыль под ногами. Эльфийская мораль иная. Человеческая жизнь для них не стоит ничего. Они не сочувствуют нам, не жалеют нас, не считают нас равными себе.

– Для него мы тоже пыль?

– Он прожил бок о бок с людьми дольше любого другого эльфа. Но все же он эльф и остается им. Обычные смертные не избежали его презрения, однако были и те, кто заслужил его признание хоть в чем-то.

– Ты о его смертных женах? – она не удержалась и фыркнула.

– Нет, не о них. Их он презирает куда глубже чем мы с тобой.

Мередит удивленно подняла брови.

– Но спит с ними.

– Да. Бывает, – пожал Стен плечами. – Я твой наставник и я должен предупредить тебя. Ты девушка, и как и все девушки находишься в некоей зоне риска быть очарованной нашим Вечным принцем. Суреш настаивал, чтобы я провел с тобой назидательную беседу на этот счет.

– Я не какая-то идиотка, которая влюбится в красивого эльфа. Надо быть последней душой, чтобы сделать это. Зная то, что я знаю по крайней мере.

– Помни, что ты теперь консул и это означает, что ты стала врагом эльфам. Увы, так останется до самой твоей смерти. Эльфы ненавидят наш совет. Из-за него. – Он кивнул на Эльтана. – Из-за того, что мы с ним делаем.

– Я понимаю.

Она все это знала, изучила всю историю и не ту, что писали в учебниках, а настоящую. Она прошла подготовку чтобы работать консулом. Но глядя на Эльтана сомнения и правда скреблись в голове. Да как так может быть? Вот же он. Такой же как мы. Голова, два глаза две руки, две ноги. Почему же мы для них ничто? Ведь наверняка не может так быть... Но факты говорили о другом. Эльтан и прочие убили сорок человек в тюрьме Тростен и ранили еще с десяток. Он устроил аварии на шоссе, в которых погибло четверо и пострадало еще двадцать, он насмерть задавил шестерых, пока катался по Кайрину в военном джипе. Одна из них была матерью троих малолетних детей. Мередит все знала о нем, и глупым сантиментам было не место в ее голове.

Открылась дверь и в помещение вошел мужчина в белом халате. За ним шли двое дюжих парней Аджита с оружием на перевес.

Увидев за пластиковой пленкой силуэты ученый замер.

– Прошу вас! – позвал Стен. – Мы просто на экскурсии.

Мужчины опасливо вошли.

– Извините, консул. Я не знал, что вы здесь. – пробормотал парень в халате с пакетом для капельницы в руках. Парни Аджита хмуро молчали. Вышколенные и суровые – отметила Мередит.

– Пожалуйста, выполняйте свою работу. – сказал Стен миролюбиво. Мужчина кивнул и подошел сменить на капельнице пакет с препаратом. Вытащил иглу из вены эльфа. Охрана встала около противоположной стены, вскинув оружие на изготовку.

– Я должен пристегнуть его. Забор крови через три часа. – смущенно сказал парень, возясь у койки.

– Прошу вас. – Стен отошел от койки, Мередит последовала его примеру.

Мужчина действовал быстро и привычно. Было заметно, что процедура для него рутинная.

Он откинул изголовье койки, приводя ее в горизонтальное положение, и нажал на панели управления какие-то кнопки. Вытащил из-под койки крепкие черные ремни, похожие на ремни безопасности в автомобиле. Мужчина перекинул их через неподвижного эльфа и обошел с другой стороны койки, стал защелкивать крепления и затягивать.

Первый ремень прижал плечи, второй грудь, третий живот.

– Это вряд ли его удержит, если он очнется, – заметил Стен.

– Это новые разработки, консул. Прочнее стали на разрыв, и куда легче. – мужчина затянул ремень на животе и взялся за следующий, что должен был прижать бедра.

– А... Лита работает на совесть. – улыбнулся Стен. Мередит смотрела, как тело эльфа стягивают, безжалостно затягивая крепления. Ремни явно очень сильно впились в тело, но эльф не очнулся и никак не отреагировал. Спеленали как куколку – пришло ей в голову сравнение. Ей не было жалко Эльтана. Нисколько. Это делали, чтобы защитить жизни простых людей, которые здесь работали. Ведь очнись он – щадить никого не станет.

Один из охраны подошел и подергал ремни проверяя, подтянул некоторые еще туже. Эльтан качнулся на койке, но ни открыл глаза, не пошевелил даже кончиком пальца.

– На выход. – прогудел охранник.

– Это все, да. До свидания, консул. – мужчина в халате явно старался быть услужливым, а вот люди Аджита нет. То, что это были преданные ему военные, Мередит не сомневалась. Других он бы охранять Эльтана не прислал.

Как только двери за мужчинами закрылись, Стен вздохнул.

– Это будет не просто.

– Да уж... – Мередит снова мазнула глазами по камерам. – Но я обязательно справлюсь, Стен. Ты хорошо меня обучил. Пойдем, я замерзла да и жутко тут. Мне пора осваивать кабинет.

– Да, конечно-конечно.

Они вышли, прошли коридор со стеклянными стенами и вернулись в обычный офисный коридор. Дверь щелкнула и холодная койка с бессознательным эльфом стала нереальной, как будто привиделась.

Тут кипела жизнь, кто-то бежал с кофе, кто-то нес бумаги, а кто-то болтал в закутке по телефону со своим парнем. Просто люди, работающие в офисе. Но они не были просто людьми. Он были людьми консулов. Достаточно приближенными, чтобы получить работу здесь, в Башне. Многие из них прекрасно знали что скрывается за этой дверью, но помалкивали и исследовали себе кровь и синар.

Мередит поплелась к лифту, ожидая что в любой момент на ее пути вырастет Аджит. Эти его охранники наверняка доложили папочке, что старик консул повел свою новую протеже поглядеть на эльфа. И Аджит это не оставит просто так, обязательно зайдет поговорить и запугивать. Но какое время выберет? Пока Стен тут или дождется, когда тот уедет? Скорее всего подождет, тогда будет чувствовать себя еще вольготнее.

– Проводишь меня до машины, дорогая? – Стен снова немощно опирался на клюку.

– Конечно.

Они спустились на подземную парковку и Мередит довела старика до его пафосного лимузина. Водитель бы на месте, а вот охраны не было совсем. Стен не был в совете и отказался от нее.

Мередит залезла на минуту с ним на заднее сидение.

Он сжал ее руку.

– Ты боишься?

Она покивала. Куда уж тут было врать, конечно боялась.

– Но ты понимаешь, почему мы должны это сделать?

– Еще бы не понимать! – она гневно вскинулась, но тут же взяла себя в руки. – Я справлюсь. Ты научил меня всему для этого.

Стен горестно прикрыл глаза.

– Я и Реджана научил в свое время, и вот он предлагает «свалить все на эльфов».

– Скользкий червяк! Думает только как бы не вылететь из совета. До остального ему и дела нет.

– Присмотрись к нему. Он может быть не так безнадежен. Я надеюсь на это.

– Ему нельзя доверять.

– Доверять нельзя никому из них.

Они помолчали несколько мгновений.

– Милая, ты веришь в наше дело?

Мередит подняла на старика Стена глаза. Она была с ним с двенадцати, уже десять лет как он заменил ей и семью. Родители жили себе и радовались, что дочь сделали консулом, а что она сама по этому поводу думала их не волновало. Им достался почет и деньги, они могли прожить свою жизнь беззаботно и весело, а ей светило бессмертие. Кто же от такого откажется. Но Мередит не знала хотела ли она этого бессмертия? А то что увидела на совете ее потрясло. Стен говорил ей – консулы прогнили и стали думать только о себе, но не о людях. Совет превратился в ужасный диктаторский режим властолюбивых бессмертных. И вот она увидела это своими глазами. Они не собирались бороться за людей или за мир, все что хотели – вывернуть ситуацию наибольшей выгодой для себя любимых.

– Мне страшно ошибиться. Что если правы они, а мы ошибаемся? Они хотят сохранить треть населения. Третью выживет. Но какой ценой и что они сделают с этими людьми и миром даже страшно подумать!

– Именно поэтому я и спрашиваю. Ты веришь в наше дело?

Мередит ответила не сразу. Она спокойно обдумала ситуацию. Консулы ее, мягко говоря, не впечатлили и оставлять у власти этих людей было нельзя. Но что будет когда или если они уйдут? Кто возьмет власть? Хотелось бы чтобы неглупые и прогрессивные люди, а не какие-нибудь диктаторы с оружием в руках и еще более опасными идеями. Развалив совет, не делают ли они только хуже? Стабильность – это ведь неплохо... Правда, стабильности, учитывая распространяющийся вирус бесплодия, им точно не видать. Мередит хотела защитить людей в надвигающейся буре, а не сохранить достаточно жизней, чтобы было кому сбрасывать на врагов бомбы.

– Да, я верю. – сказала она твердо. – Время совета закончилось. Им пора на покой.

Стен хлопнул ее по руке.

– Хорошо. Помни кто ты...

– Еще одна юная дурочка-идеалистка, воспитанная стариком Сари. – сказал Мередит с улыбкой. – Эта роль точно мне по плечу. Не волнуйся.

– Опасайся Аджита. Он опасен. Не недооценивай его и не провоцируй.

– Ему будет очень легко меня запугать, дедушка. Настолько что станет скучно после первого же раза. – Мередит улыбнулась старику. – Не волнуйся. Я готова.

– Тогда иди и делай свою работу, консул.

Она улыбнулась ему и, прежде чем выйти из машины, чмокнула в дряблую щеку.

– Пока.

– Пока. – повторил Сари так, словно слово отдавалось на губах кислинкой. Он не любил эти новомодные краткие приветствия и прощания.

Мередит вышла из машины пошла к лифту. Ее ждала работа.

***

Сари Долмах приказал отвезти себя в главный парк Кайрина. Он вышел из машины, приказал водителю ждать и пошел по дорожкам, отстукивая тростью шаги.

Октябрьское солнце грело еще по-летнему тепло, листва ворохом шуршала под ногами на нечищенных дорожках. "Непорядок, надо бы сказать Сурешу, чтобы наладил очистку города", – привычно подумал он и только через некоторое время вспомнил, что больше не в совете и не может повлиять на городское благоустройство.

Ему пришлось подниматься на холм, но он сделал это. Ничего, полезно поразмять старые косточки.

На холме была скамейка, вид с нее открывался так себе – на окружающие парк высотные здания. Сари доплелся до нее, сел, поглядел на часы. Была четверть двенадцатого.

Он сидел и смотрел перед собой. Мимо бегали люди, занимались спортом. Сари с равнодушным любопытством поглядывал на них. Господи, и во что только одеваются современные женщины. В его время показывать шиколотки было неприлично, сейчас же простора мужскому воображению совсем не оставалось.

Ровно в полдень он встал и пошел обратно к машине.

Глава 4. Это не просьба

Синай не изменил своим привычкам. Каждое утро он вставал в один и тот же час росы и шел на свою привычную поляну, где тренировался с тех пор, как эльфы покинули старый Сиршаллен.

Он открыл глаза ровно тогда, когда звезды на небе только начали гаснуть. Встал с ложа и прошел в умывальню. Его дом не избежал изменений. Сантехника и прочие удобства здесь были такие же, как в доме шахране.

Он открыл кран и ополоснул лицо. Утерся полотенцем и пошел одеваться.

Завтрак и прочие заботы он оставлял на более поздний час. Распорядителем дома у него был один эльф, молодой по его меркам, из простого семейства. Мужчина. Женщин в своем доме, с тех пор как его жена перестала дышать, он не терпел.

Оделся в привычную одежду, зашнуровал тесьму, взял оружие и вышел на балкон. Его дом был на шестом этаже ясеня, так что, в отличии от дома шахране, он должен был сперва ухватить кпат, а только потом прыгать. Высота тут не позволяла вольностей, можно было и разбиться при неумелом прыжке.

Он спустился, веревка мягко проскользнула в руках, уже по-осеннему холодная. В октябре осень в Сиршаллене только начиналась. Листья едва начали желтеть.

Он спрыгнул на землю и спокойно пошел по тропинке.

Почти сразу он заметил, что за ним увязались.

Люди.

Бесцеремонные, назойливые, бесчисленные люди заполнили их город.

Синай мог бы побежать и никто бы из людей его не догнал, но они точно знали куда он идет. Слава о его ратных упражнениях расплзлась по Сиршаллену с тех пор, как какой-то недоросток в очках наткнулся на него на его тренировочном поле и вытащил телефон из кармана своих отвратительных варварских штанов.

Синай прекрасно знал, что он снимает его на видео. Но прерывать свои упражнения потому, что назойливая муха летает вокруг, он бы не стал, так не почтил гневом и человека. И вот результат.

Муха не могла рассказать своим родичам о найденном развлечении, а люди могли. И рассказали.

Когда он вышел на поляну, в уголке уже сидело шесть любопытствующих.

– Доброе утро! – заявил один из людей, поднимаясь. – Вы не против, если мы снимаем?

Синай не удостоил его ответом.

Люди были тут не впервые. В основном стояли молча, не донимали его разговорами и не лезли ближе, опасаясь гнева. Закон Миллеров был принят и за убийство или побои Синая могли теперь привлечь к ответственности. Земли Сиршаллена как и земли Кайрина стали «открытыми и общими», а значит эти отвратительные любопытствующие дрянные людишки имели, по их мнению, право сидеть и смотреть на него. Снимать его на камеры своих телефонов и потом делиться этим в том самом интернете, в котором Синай не был никогда.

Он не хотел знать людской мир больше, чем требовалось. У него был для этого шахране. Тот умел пользоваться людскими игрушками и получалось у него это с легкостью. Где он сейчас?..

Вести о спасении Линара дошли до Сиршаллена. Как и о том, какой ценой было уплачено за его жизнь.

Синай подошел к столбу, обтянутому веревками его собственной рукой около трех зим назад. Еще один год и нужно будет сменить.

Он стал снимать жакет, а после и рубашку, не глядя как люди зашевелились, как на их телефонах зажглись огоньки, а тот, что спрашивал, достал и вовсе какое-то странное переносное устройство, которого Синай не видел раньше. Но это тоже явно была камера только получше.

Он сможет это вытерпеть. Он выбрал это – остаться в Сиршаллене и принять позор, чтобы в нужный час быть тут и сойтись в последнем бою. И для этого он должен тренироваться как прежде. Ни дня не отдаст он людской бесцеремонности.

Он разоблачился, поправил кушал на поясе и взял меч.

Свой меч. Настоящий тяжелый боевой.

Он мог бы снести головы этим людям раньше чем последний из них поймет что происходит. Сколько интереса вызовут такие видеозаписи у людей? Синай знал что куда больше, чем обычные его тренировки.

Последние тридцать лет он тренировался здесь с деревянным клинком ли затупленной сталью. Шахране был еще так юн и так хрупок телом. Ему нельзя было давать настоящее эльфийское оружие. И хоть Линар старался и отдавался мастерству со всей силой что мог, этого было недостаточно. Вот когда у Синая в учениках был Эльтан...

Синай развернулся и взмахнул клинком. Мысли в его голове были слишком темными и тяжесть меча и привычные боевые связки одни могли вытравить их из головы.

Он разил, парировал воображаемые удары, отступал, нападал, уходил от атак, бежал, нападал, кувыркался. В его воображении противником всегда был один и тот же человек.

Грузный бородатый воин в меховом плаще с огромным топором, с которым он сошелся на поле у реки Глас. Лучший его соперник из людей.

– Обойди! Сними общий план! – сказал кто-то из людей, и мальчишка лет двадцати на их счет побежал кругом поляны и встал с другой стороны.

Синай хотел бы не видеть их, не слышать их. Чтобы они не задевали его гордость. Но они были здесь. Этому была причина и умысел.

Людей в Сиршаллене стало много, а значит ушедших эльфов хватятся позже. Ради этого стоило терпеть.

Один из людей держащий в руках странное устройство подошел ближе. Еще шаг и еще. Он двигался маленькими шагами на полусогнутых коленях и смотрел только в свою глупую камеру.

– Рони, не надо! Не подходи!

– Да я только пару кадров. Тут такой ракурс, – сказал он и сделал еще шаг, подходя совсем близко .

Синай закрыл глаза, молниеносно повернулся и ударил. Меч рассек воздух и блеснул в утреннем солнце.

– Ах!

Камера мальчишки в месте с пластмассовыми ручками держателя распалась на две части в его руках.

Синай молча остановился перед человеком. Он посмотрел на него спокойно, без злости. Вот еще злиться на приставший к сапогу лист осины.

– ОЙ! – сказал человек. – Я живой, не пострадал, не переживайте. Сам виноват. Извините! – он засуетился, собирая осколки своего устройства. Синай знал что может вот сейчас сделать еще один взмах и его бестолковая голова окажется там же где его камера. На песке. Что тогда ты скажешь, жалкий червяк?

Парень быстро убежал за границу круга.

– Все нормально, – услышал Синай его восторженный голос. – Карта памяти цела. Боже какой будет кадр! Только бы сохранилось все, но должно.

– Камера, Рони. И ты совсем идиот?! Он мог тебя...

– Да брось ты, это случайность. Все окей, камеру новую куплю. Господи скорей бы отмотреть. Это нечто.

Синай закрыл глаза, вдохнул воздух леса. Он чувствовал как Великий лес отравляют. В сорока километрах уже гудели огромные машины – в Сиршаллен прокладывали асфальтовую дорогу. Бесконечно забивали сваи. Кто-то купил землю и хотел построить гостиницу недалеко от центра.

Вечерами в центре в баре, открытом людьми для приезжих, гремела музыка. До часа листвы. По людским законам они могли включать ее до часа листвы. По ЛЮДСКИМ законам теперь жил Сиршаллен.

Синай не ушел раньше, не прервал занятий. Он сделал все как должно, как делал это когда тут не было людей. Только после этого он убрал оружие в ножны, оделся и пошел обратно домой.

Люди так и тащились за ним следом. Для них то, что он их игнорировал было даже удобным, он это понимал. Но что с того? Все равно не станет не гнать их не обращать внимания. Их просто не существовало для него и точка.

Мысли успокоенные было верным мечом снова тревожно заносились в голове.

Из Кайрина пришли горькие вести – Эльтан пал. Но была и добрая весть – шахране освобожден. Жив.

Синай относился к воспитанникам прохладно. Скольких он взрастил за свою жизнь. Сотню не меньше. Не за ратные подвиги ему дали имя Великий Ментор, но за мужей, что воспитали его уроки.

Самым почитаемым из них был Эльтан. Синай гордился Первым из сынов как своим лучшим воспитанником. Но это было до того, как он привез в город Согласие о Землях. А вот Шахране Синай даже в воспитанники брать не желал. Дитя позора. Сын скорбного века. Только Дева Юга его улестила и склонила таки взять полукровку. Как? Он и сам толком не знал. Но она говорила и говорила про милосердие и невинность рождения, что вырастет из семени владыки то, что мы пожелаем взрастить.

Синай не терпел женщин. Все они стали ему непереносимы с тех пор, как его госпожа сердца умерла. В каждой из них он видел ее черты. Самые мелкие и незабываемые черты. Улыбку уголками губ. Овальные ногти. Локоны, танцующие на ветру. Тонкую кожу на ключицах.

Во всех них он видел ее и с болью вспоминал, что она ушла навсегда. И по чьей вине.

У Меланы были ее глаза. Добрые, открытые, милосердные глаза его госпожи. И он сдался. Взял полукровку. Тогда еще не знали будет ли Линар человеком или эльфом. Если человеком,

то его воспитание займет скромные десять лет, не больше. Это время не слишком-то стеснило бы Великого Ментора.

Синай выполнил долг. Воспитывал полукровку. Вращивал из семени владыки то, что желал видеть: война своего народа, ненавидящего людей.

Линар оказался крепче чем казался на первый взгляд и телом и сердцем. Когда он вырос, то сказал, что смирения в нем нет и не будет. И Синай отдал ему службу, потому что в своей душе тоже не мог его найти. Смирения.

А Эльтан... Думы о нем долгие годы были отравлены горечью стыда. Это он Синай взрастил его слабым. Он воспитал сына Владыки так, что тот склонился перед людской волей. Его это была вина. И почти четыре сотни лет Синай испытывал стыд при упоминании Кайране. А теперь горечь.

Он не скорбел по нему. Предателю и изменнику народа не была положена скорбь. Эльтан продал себя, забыл потери, презрел долг. Он не стоил скорби. И все же когда пришли вести, Синай опечалился как и прочие. Эльтан был гордостью народа когда-то. Великий воин, справедливый муж, надежда Сиршаллена, опора и будущее. А теперь его не стало. Он погиб там, в смрадном Кайрине, застреленный оружием смертных как заяц, пронзенный стрелой.

Смерть достойная предателя народа. Духи распорядились справедливо, как и всегда. Синай считал, что скорби был достоин день, когда Первый из сынов привез постыдный мир от людей. В этот день умер Кайране Сиршаллена, за которым любой пошел бы на смерть не раздумывая. В тот день, не сегодня, умерла их надежда, что народ обретет в нем достойного владыку однажды. Сейчас умерло лишь его тело. Дух давно оскудел и пал.

Но много позже Согласия о Землях Владыка опозорил себя еще больше, взяв ханти и прижив с ней дитя.

Сиршаллен, извращенная подделка, которую Синай видел вокруг, теперь пожинал плоды обоих этих решений. Ту жалкую подделку Отца Лесов что им осталась – Великий лес в котором они спрятались – теперь топтали люди.

Но народ терпелив. И Синай тоже. Он подождет. Однажды они сгинут, а эти дни он похоронит в глубине памяти. Если доживет.

Его яшень был уже близок. На порог домов людям ступать не разрешалось. Это звалось у них «частной собственностью». Что за мерзкий род, что не чтит желание хозяина только потому, что законы грозят расправой? Отвратительная плесень, что будет расти, пока не смахнешь ее твердой рукой – вот что был это за народ.

– Я просто спрошу!

– Рони, нет! Стой debil, не надо!

Синай медленно вздохнул и не прибавил и не смирил шага, когда к нему подошел тот самый человек, чью камеру он сегодня разрубил.

– Послушайте, здравствуйте, – начала он заискивающе. Синай был куда выше, чтобы поспеть за ним человеку пришлось бежать. – Вы, Синай, верно? Мы тут вас снимаем, вы вроде не против, так ведь?

Он молча продолжал идти. Проход на лестницу его ясеня уже был близко.

– Вы не против, если бы мы сняли вас дома? Это займет полчаса не больше. Если хотите, мы можем заплатить. Естественно, ничего такого. Просто пара кадров в интерьере. Нам бы увидеть эти дома изнутри хоть разок. Я подумал раз вы не против, что мы снимаем тренировки, может вы пустите нас? Ненадолго? А?

Синай молча зашел в проход ясеня ведущего на лестницу. Он мог бы воспользоваться кпат, но тогда они снова стали бы это снимать, а он уже дошел до предела терпения. Не стоило искушать себя гневом.

– Молчание – знак согласия?

– Рони, не надо! – пискнула девчонка. – Не заходи.

Но назойливый смертный шагнул вслед за Синаем внутрь ясеня.

– Ого! Тут лестница! Можно я снимаю?

Синай развернулся, спустился на две ступени и взял его за грудки.

Человек онемел. Синай поднял его – беспомощный дергающийся кусок мяса, парализованный ужасом – и выбросил на улицу.

Отвернулся и стал подниматься.

– Я говорила тебе! Я говорила! – заголосила женщина.

– Можно было просто сказать «нет»! – заорал ему вслед человек. – Просто сказать, черт побери!

Синай быстро поднимался в свой дом. Терпение. Ему нужно было быть терпеливым. Соверши он преступление консулы будут счастливы его вызвать в Кайрин. Пока они позволяют ему быть тут, но скоро придут. Обязательно придут, раз лишились Эльтана. Синай готовился отдать свою жизнь задорого. Сдаваться людям как Кайране он не собирался.

***

В доме он обнаружил, что ему принесли записку. Смотритель города требовал его к себе в середине дня. Разумеется, это было написано как вежливая просьба. Почтить визитом. Но Синай, будь у него такая возможность, не почтил бы смотрителя визитом. А раз отказ не принимается, то это не просьба, а приказ.

Он смыл с себя пот от занятий, оделся, позавтракал, вооружился и сразу пошел к Лейну.

Куда бы он ни ходил теперь – с оружием не расставался. Он знал, что за ним придут вот-вот, со дня на день. Странно, что они не пришли раньше, до того как вести о смерти Эльтана добрались в Сиршаллен. И все же, Эльтан мертв, Владыки сокрыты, а значит консулы придут за ним, давно хотят получить его кровь, как когда-то получили кровь Первого из сынов.

На заре общения с людьми, очень-очень давно, эльфы имели неосторожность представляться им по всей форме. Именно поэтому люди знали кто такой Синай, что он был ментором Эльтана, а значит старше его на много лет.

Когда началась первая война, эльфы перестали распространяться кто среди них сын владык, а кто простой хлебопашец, как и про свой возраст. Людям незачем знать такое.

Синай дошел до резиденции смотрителей и едкая радость на секунду согрела его. Ему нравилось, что им отдали этот неказистый крохотный яшень – уродца среди остальных. Самое место для людской заразы.

Стучать не стал – много чести. Открыл дверь и вошел. Тут было пыльно от множества бумаг. Людская память была дырявой что старое решето, вот приходилось им записывать все на бумаге.

Мальчишка за столом увидел его и спал с лица.

– А... п-приветствую, почтенный Синай...

– Где твой хозяин? – грозно спросил он. Еще попытки людской вежливости терпеть не хватало.

– А... он... – мальчишка ткнул в дверь кабинета, но тут же залепетал: – У него там...

Синай открыл дверь и вошел. У Лейна было полно народу. Целая компания из новопривыкших любопытных людей. Очередные падальщики на теле их умирающего града.

– Синай! – Лейн поднялся. – Прошу прощения, господи, нам придется прерваться. Извините. Это срочно.

Люди вылупились на Синая как на корову, ходящую на двух ногах. Вполне возможно, он был первым эльфом, которого они увидели, ведь все оставшиеся в городе эльфы предпочитали не выходить на улицу без крайней нужды.

– О-офигеть! – выдохнула молодая женщина. Синай краем глаза заметил обрезанные по плечи волосы. Отвратительно! Словно муж! И что этим смертным неймется отрезать собственную красоту и почет?

– Прошу вас, подождите меня снаружи. – настойчиво сказал Лейн, обошел стол и стал буквально выталкивать своих гостей из кабинета.

– А, да.

– Окей, без проблем. – заговорили все, потянулись к выходу.

– Офигеть! Ты видел? Вот этот шкаф! – услышал Синай шепот.

– А уши! Уши видел?

– А косу? До задницы почти!

– И меч у него! Я думала это шутка! Они реально их носят до сих пор, умора!

Лейн закрыл за галдящим выводком людских отбросов дверь.

– Прошу прощения. Я ждал вас в полдень не раньше.

– Не тебе распоряжаться моим временем, смертный. Говори что хотел. – отрезал Синай.

– Присесть не хотите? – спросил Лейн, тут же сам себе улыбнулся. – Конечно, не хотите. Он обошел стол и сел за него.

– Синай, я не знаю к кому точно обратиться, поэтому позвал вас. Из официальных властей в городе никого не осталось. Обычно такие вопросы я решал с Кайране Эльтаном, но... Он сейчас недоступен. – сказал Лейн скованно. Что там консулы наплели своим шавкам Синай не знал и не собирался узнавать. Скорее всего Лейн знал, что Первый из сынов пал.

– Шахране тоже не в городе, Владыки, как всегда, отсутствуют и из перстов Кайране никого не осталось. Я... в растерянности. С кем мне вести диалог? Подскажите. Я должен с кем-то решать текущие вопросы.

– Можешь говорить со мной. Я старший эльф в Сиршаллене теперь.

– Хорошо. Значит, я по адресу. Завтра в город прилетит консул Реджан. – сказал Лейн. – Он хотел видеть того, кто сможет вести с ним разговор. У него какое-то дело.

«Я знаю какое у него дело», – подумал Синай и почувствовал легкий холод в кончиках пальцев. Надо же... Все еще мог он испытывать беспокойство, быть может, даже страх. Хотя чего ему бояться? Смерть приходит к каждому, как от нее не беги.

– Я встречу консула со всем радушием Сиршаллена, – сказал Синай с улыбкой. Лейн спал с лица.

– Я... рад. – выдавил он из себя. – Он прилетит в десять утра. Разговор будет вестись как обычно, на ясене Каі? Или без присутствия семьи владык это недопустимо?

Когда консулы посещали Сиршаллен, а случалось это всего трижды за всю историю, Эльтан говорил с ними в покоях на главном ясене. Это унижение он терпел, только бы не видеть их в Доме Решений, оставить его чистым от людской воли. Люди не понимали этого, а потому позволяли. Знай они, что если человек под сводом Дома Решений прикажет Кайране Сиршаллена, то эльфам придется снести это здание и забыть его с позором, наверняка бы ради глумления сделали это.

– Я позабочусь о госте со всем тщанием.

Синай и вышел из кабинета. Он не собирался размещать Реджана Долмаха ни на ясене Каі ни в Доме решений. Он собирался снести ему голову как только тот заикнется что забирает его в Кайрин.

***

Следующим утром Синай, как и всегда, открыл глаза, когда звезды еще не потухли. Но против вчерашнего он встал и как был – в ночных одеждах – вышел на балкон дома, чтобы увидеть их.

Но не смог. Листва на ясенях Сиршаллена не опадала, небо было затянуто облаками, да еще и падал первый, хрупкий, влажный снег. Он истаивал, едва долетая до земли, а мимо его балкона проносился с последними слабыми вздохами. Умирая.

«Вот и я... Сегодня...»

Он проследил танец нескольких снежинок от кроны до земли. В этот ранний час в Сиршаллене еще можно было услышать драгоценную тишину. Неугомонные люди, вдоволь навеселившись, спали.

Синай смотрел на снег. Как тот летит в стремлении укрыть замерзающую землю теплым пуховым одеялом. И не может. Не время еще. Но кто-то должен быть первым. Тем, кто не долетит до земли, чтобы потом в зимней стуже прошли другие.

«Как на войне... – мелькнула мысль. – Кто-то должен быть первым, встретить яростный натиск, чтобы потом, те что стоят сзади, смогли опрокинуть вражеские ряды».

Синай прошел много битв. И никакие из них не забылись и не спутались. Он помнил, как разрубил лошадь под командующим в битве у Красного ручья, и искусного словно эльф северянина в мехах у реки Глас. Помнил крики людских женщин и детей в ночь сожжения Кайрина, помнил всех погибших побратимов.

Он помнил, как поздним утром июньского дня за ним пришел Архан, светловолосый улыбчивый третий перст Кайране. В то утро он не улыбался. Не было места улыбкам в день, когда весть о падении Владрира добралась до города.

Синай закрыл глаза, пытаясь отогнать тяжелые думы. Как счастливы смертные и как глупы, не видя своего счастья. Духи веками испытывали народ, не даровав эльфам забвения. И Синай прожил достаточно, чтобы чувствовать, что нынешнее испытание они не выдержали. В какой миг треснуло то, что оберегали Lin'ya? То, чем должны были быть эльфы расколосось и лежит в руинах.

Он вернулся в дом.

Тишина обволакивала и ластилась к нему. Иногда, засыпая, он мечтал не проснуться как его госпожа. Чтобы не помнить ни ее, ни сыновей. Чтобы не видеть во что превратился мир и народ. Чтобы тоже уйти в смертный мрак и найти в нем утешение, забвение, покой.

Только глупые смертные, что за свой краткий век не успевают познать боли, боятся смерти. Синай давно ее не боялся. Он даже желал ее.

В каждой битве трех войн он искал гибель и так и не нашел. Иногда его спасали побратимы, иногда не было достойного соперника. В бомбежке Сиршаллена он тоже не умер, а отравленные газы уже не брали его.

«Как я умру?» – задавался вопросом бессмертный Великий ментор.

«Как Эльтан...» – шептали ему то ли духи, то ли собственная душа. Он не знал, но слышал это отчетливо.

Он умрет подстреленный из людского оружия, бесславно, словно косуля на охоте. Если его захотят убить люди, будут стрелять в голову и стрелять много. Не будет ему ни почета, ни честного боя ни достойного погребения.

В войнах, когда бросался на врагов, он всегда знал, что над его телом скажет последние слова Кайране. Он знал, что его похоронит Эльтан. Потому что его сыновья уже ушли и души их счастливо спят в ясенях в Садах тысячи голосов.

А теперь ушел и Эльтан. И кто остался? Шахране?..

Синай пошел одеваться и вдруг засмеялся, тихо воровато, прикрыв рот кулаком. Он представил как его тело – в два метра ростом и весом как три взрослых смертных мужа, пытается поднять Линар. Пыхтит, упрямо не сдается, но не может даже перенести его в могилу.

Пока шнуровал жакет, смех все не мог оставить его грудь. Как странно, что после стольких лет он уже не гордился Эльтаном, но стал гордиться Линаром. Полукровкой, недоноском, позором города и народа.

Потому что Линар не сдался и боролся за народ. Делал это будучи хилым, слабым, поэльфийским меркам чахлым уродцем. И все же он и то боролся, хотя из рук его то и дело вываливалось оружие, а слабое тело кровоточило и не хотело заживать.

А Эльтан – сдался!

Синай перестал улыбаться как только подумал о Кайране. Он не хотел думать о нем – только бередить сердце. Стыд и тоска – вот и все чувства что он, Блистательный, вызывал в своем менторе.

Синай достал меч с привычного места на стене и вынул его из ножен. Обнажать оружие в доме не пристало, но он был один и сегодня, по всему выходило, был последний его земной день, так что он пренебрег немного законами.

Старый верный друг был все так же остер и благороден. Как жаль, что мир больше не нуждался в нем. Прошли времена, когда оружие было продолжением руки война. Теперь трусливые плевки свинцом во врага, к которому ты боишься приблизиться – вот доблесть.

Синай повернул лезвие, чтобы свет отразился от кончика. Полюбовался и убрал обратно в ножны. Повесил их в держатель на стене.

Вот и он такой же. Великое орудие в былые времена и бесполезный кусок холодного металла в нынешние. Не такой перст нужен Линару. Зря он согласился. Не нужно было...

Но Последнему из сынов так нужна была поддержка и помыслы его были о том, о чем Синай уже не смел и мечтать – вернуть народу свободу и возможность жить в настоящем мире. И Синай стал его перстом, что дало Линару чуть больше веса в глазах других эльфов. Его свита наполнилась, и они смогли свершить его план. Один он бы не смог.

Но перстом Синай был скверным и понимал это. Не должно так служить, как позволял себе он. Для него Линар все еще был воспитанником, да проявившим себя славно, но все же мальчишкой. Юнцом. Полукровкой.

Синай, отдай он службу другому эльфу, вел бы себя иначе, но Линар, юный, отравленный человеческой кровью, был столь неправильным эльфом, что Синай часто не понимал его и осуждал.

Синай понимал, что знание человеческих технологий, языка, их традиций и устоев, та самая фармацевтическая фирма лекаря Филиппа, которая досталась Линару, когда глупый Шахране спас смертного и привез в Сиршаллен на заре своей зрелости – все это позволило безумному плану стать реальностью. А вовсе не его старый меч, которым раньше он мог решить любую проблему народа.

Он понимал. И все равно презирал людское в Линаре. Не мог забыть, как он родился на свет и кем была его мать. Презренная человеческая девка, вздумавшая стать Владычицей над эльфами.

Время убегало. Наверное, люди уже заждались его на поляне для тренировок. Не доумевают куда это задевалась их всегдашняя забава.

А Синай все сидел на постели и смотрел на клинок на стене. Привычные ножны, ремень. Надевай и иди. Делай то, что делал всегда. Так ведь нужно поступать? Не отступать. Даже последний свой день провести по заведенному порядку. Так правильно и сильно, не дать слабину. Не утрашиться.

Но он все сидел и сидел, скользя взглядом по верному оружию. Верному... и бесполезному.

Такому же как он.

***

Вертолет консула был велик. Не чета крошечным, на которых летали гражданские рейсы.

Синай стоял на площадке один, никого более не взял он с собой, зная, чем закончиться эта встреча. Не станет он жертвовать жизнями в бесполезной битве.

Только один эльф умрет здесь и сейчас.

Большая военная машина приземлилась, открылись двери и из нутра посыпались воины. На них были привычные людские военные одежды. Синай не мог не признать, что они были удобны, он сам носил такое в делах, что приводили его в людской мир. Тех немногочисленных схватках, в которых он участвовал для Линара.

В руках каждого было оружие. Штурмовая винтовка Тап-23, – отметил Синай. Магазины увеличенные, на шестьдесят патронов. Синай знал, что такие специально разработали и взяли на вооружение в подразделениях, которые консул Аджит Долмах тренировал для возможных военных действий против эльфов. А знал он это потому, что Финар все дни свои проводил изучая оружие и военную тактику людей для Шахране. Сам Синай не был способен найти ничего в интернете. А Финар обучился. Для Линара. По его просьбе и приказу.

Их знаменитый генерал и тактик пытался придумать, как выигрывать бои против вооруженных воинов людей. Его выводом было – ориентироваться на прицельную дальность оружия. Если была возможность – уходить дальше, пользоваться преимуществами эльфийского более зоркого глаза. В ближнем бою – прикрываться людьми, вносить беспорядок в ряды, пользуясь тем, что несколько пуль не остановят эльфа.

Но все это была теория. Практикой мало кто занимался, не предоставлялось случая. Последние сто лет между консулами и эльфами был настроженный и унижительный для эльфов, но все же мир.

В схватках в людском мире никто не принимал Синая за эльфа. Они скрывали лица и уши. А вот сейчас он стоял в эльфийском платье, и все воины вокруг знали, что одна пуля его не свалит. А значит, выпустив ее не будут зевать и удивляться, как бывало с людьми в городах.

Будут стрелять и стрелять много. Сразу, кучно. В грудь. Потому что голова – неприкосновенна. Нельзя убивать драгоценный сосуд с бессмертием. Синай решил, что первым делом его клинок отрубит голову наглому консулу, а дальше он надеялся, что смерть первых воинов вселит в оставшихся достаточный страх, чтобы они стали стрелять в голову, чтобы наверняка убить его и спастись.

Синай не удивился бы, если увидев его, по нему сразу начали палить без всяких там разговоров, пытаясь загнать в синар. Но нет. Все двенадцать человек просто стояли и сжимали стволы, безразлично и сурово глядя на него. За плечом Синая был меч и только. Но этих воинов отсутствием огнестрельного оружия было не обмануть. Эти знали кто перед ними и на что он способен. Аджит Долмах научил их...

Консул вылез из вертолета последним. Темноволосый Реджан Долмах был в деловом костюме и рубашке. Без бронежилета или оружия. По крайней мере, на первый взгляд. Он сделал знак пилоту заглушить лопасти. Они стали медленно замедляться. Наступила блаженная тишина, стих неистовый ветер.

Консул пошел к нему с едкой улыбкой на губах. Синаю от того, что эта тварь топчет земли их града, хотелось вырвать ему ноги и посмотреть как будет корчиться. Как знать, может сегодня ему удастся увидеть это славное зрелище.

– Кого я вижу, Синай Великий Ментор собственной персоной! – сказал Реджан Долмах. Синай отмолчался. Приветствовать эту тварь он не собирался.

– Все так же радушны, а?

Синай знал его по фотографиям не больше. Эльтан собирал некоторые сведения о совете, и когда Линар пришел со своим планом к Владыке, поделился информацией. Но лично с Реджаном Долмахом Синай не встречался никогда. Он не встречался ни с кем из консулов, но слышаны друг о друге они были сполна.

– Я ненадолго, можете не переживать. Вы, значит, у нас теперь тут заправляете делами?

Синай молчал. Не было слов, которые он хотел бы сказать этому человеку. Он явился на зов, что еще ему нужно? Притворяться, что ему приятно поболтать с консулом, Синай не собирался. Он же не Эльтан в конце концов! Тот так трепал бы языком не переставая. Улыбался бы и делал вид, что бесконечно счастлив приветствовать мерзких завоевателей на своей земле. Проклятье! И что он снова вспомнил Кайране?

Но от мысли, что эти двенадцать человек с автоматами сейчас пойдут по городу и начнут убивать, Синаю стало не по себе. Да он сразится, кого-то убьет. Но всех? Один? Вряд ли. Скорее всего, умрет. Если загонят в синар, он надеялся, что не проснется. Он не был в Темных Чертогах много столетий, кто знает, может духи смилуются и он не очнется в подвале консулов прикованный к ложу. Только не это. Страшнее участи представить нельзя.

Реджан хмыкнул.

– Хорошо, к делу так к делу.

Синай подобрался. Он готов был услышать слова и после них ни секунды не станет медлить.

– Мне нужен эльф. Не вы, не переживайте. Любой, обычный, среднестатистический, – Реджан стоял от него шагах в пяти, слишком близко не подходил. Боялся. Этот страх мог бы порадовать Синаю, но не радовал. Смысл радоваться, что одинокий волк тебя страшится? Он будет бояться, прижимать хвост и скулить, но как только повернешься спиной – приведет стаю и вцепится в ногу. Таковы люди. Не помнят они ни минут славы ни страха. Все у них как в первый раз.

– Вам понятно слово «среднестатистический»? Мне нужен кто-то не обремененный вашими исключительными талантами к регенерации. Эльф, мужчина или женщина не важно, возрастом не более пятисот лет. У вас час. Если через час его здесь не будет, я заберу троих на свой выбор.

И он развернулся и пошел обратно к вертолету.

Люди с оружием продолжали стоять, держа его на мушке. А Синай замер.

Эльф?.. Им нужен обычный эльф...

Синай повернулся и пошел прочь.

«Линар... В чем мудрость моя если я не предвижу то, что предвидишь ты, осеннее дитя?»

Синай дошел до Орлиного ясеня за пятнадцать минут. Взял кнам, поднялся до предпоследнего этажа. На этаж выше были покои Шахране. Они пустовали с тех пор, как его полгода назад увезли консулы. Скорбный был день, но Линар строго запретил вмешиваться. Он знал на что шел, когда отпускал свою смертную жену. Еще одна вещь, которую Синай не мог понять.

Он спрыгнул на балкон. Тут было грязно и запущенно, стекла давно не мыты, перила в слое уличной сырости и плесени.

Финар следил за домом Линара, изучал вооружение людей и придумывал как оборонять Сиршаллен так, чтобы убить побольше врагов, прежде чем защитники града падут. То, что исход будет не в их пользу, знали все эльфы. На собственный дом у Финара не оставалось времени и балкон был завален старой листвой. На резном парапете висела даже паутина – неслыханная неприбранность для жилища.

Синай зашел в арочные стеклянные двери.

– Финар! – позвал он громко. Слева раздалось "я здесь" и Синай пошел туда. Не до церемоний было в этот час.

Скрепивший мечи сидел за столом в своей столовой с ноутбуком.

– Приветствую тебя, Синай, – сказал он, подняв глаза. Обычно к имени Синая добавляли "Великий Ментор" или почетное "Великий муж великого града", но Финар в последнее время перестал отдавать ему почести. Они не обсуждали это, не стали и в этот раз.

– Приветствую тебя, Скрепивший Мечи. – Отозвался Синай прохладно. – Они пришли. Как говорил Линар. Требуют эльфа.

– Нашли вирус, нужен подопытный для испытаний, – Финар покивал. – Шахране был прав. Как всегда, – генерал улыбнулся, словно ожидал, что Синай в его словах услышит какую-то истину, которую не мог уразуметь. На лице Финара с впалыми щеками и бескровными губами любая улыбка выглядела вымученной. – Сколько у нас времени?

– Три четверти часа.

– Успеем, если ты все еще готов исполнять волю Шахране.

– Готов. – Отрезал Синай.

– Тогда помоги мне с оборудованием.

– Хорошо.

Они пошли на кухню. Финар открыл шкафчик.

– Доставай все. Разложи на столе.

Синай вытащил медицинские инструменты. Он ничего в этом не понимал. Не желал знать и понимать, разбираться какие такие материалы смертные изобрели, чтобы делать эти пакеты трубки и прочие мерзости. Но вот пришел час и если бы Финар не разобрался в свое время кто бы им помог? Уж точно не он, Синай.

Скрепивший мечи попытался командовать, но Синай с двумя руками с непривычки управлялся с мелким пластиком еще хуже, чем однорукий Финар. В конце концов, он сделал все сам – открыл иглы, протянул трубку. Синай снял жакет закатал рукав рубашки. Финар воткнул иглу ему в вену. Тонкую пластиковую трубку стала заполнять кровь.

– Тебе нужно вставить иглу мне, – Финар сел на пол и положил руку на колено. – С этим мне не справиться. – он улыбнулся. Да, с одной рукой некоторые вещи были совершенно недоступны.

Синай сделал все, даже иглу не сломал.

Кровь текла по трубке, Синай наблюдал. Он делал это не впервые, но до этого его кровь всегда уходила в донорские пакеты. Вот так из вены в вену он не отдавал ее ни разу. Его кровь продляла жизнь медику Филиппу, за возможность выжить смертельно больной доктор и отдал Линару свою фармацевтическую фирму в мире людей. Синай своей кровью купил им специалиста и первые ресурсы. И вот впервые он делит кровь с эльфом.

Теперь они с Финаром братья. И он отдает его консулам.

– Минут десять не больше, – сказал Скрепивший мечи. – Должно быть достаточно.

Синай только кивнул угрюмо. Когда с переливанием было закончено, Финар ушел в спальню.

Туда Синай уже не посмел бы войти даже в такой час.

Финар вернулся в простом эльфийском жакете. Лицо его посвежело, бледность и желтизна кожи ушла, в губах проступила хоть какая-то кровь. Пустой рукав он подколол обычной булавкой, никаких привычных украшений из золота в виде журавлей. Эта птица традиционно была его символом, его негласным гербом. Люди не знали об этом, эльфы научились держать язык за зубами после начала войн.

– Прошу тебя передать это Риланне, – генерал положил на стол запечатанное письмо. – Скажи чтобы не печалилась, если сможет. А лучше обнадежь, что я вернусь. Лучше пусть ее согревает надежда, чем душит скорбь.

– Я исполню твою волю. – кивнул Синай.

Они знали, что это может случиться. Знали еще тогда, когда Шахране пошел к владыке, чтобы рассказать свой план. Они все продумали, договорись кого выдадут в случае, если консулы потребуют эльфа, для испытаний вируса, который они, безусловно, рано или поздно найдут.

Они решили отдать Финара. Бесплезного в бою калеку. Привести его в более здоровый вид переливанием и отдать под видом молодого простого эльфа. Время слов заканчивалось, а

А Синай остался. Ветер трепал его косу, поднятая пыль лезла в глаза. Эльфа втащили внутрь, захлопнулась тяжелая дверь. Вертолет поднялся выше уровня деревьев и улетел.

Синай стоял. Стоял на земле, которую поклялся защитить. На которой собирался умереть.

Стоял один.

С верным благородным мечом за спиной, с длинной косой, оттягивающей голову, с острыми ушами. С тем, что он не захотел отринуть и предать.

Он потерянно смотрел в небо, словно вертолет мог вернуться внезапно. Из него выскочили бы военные и консул Реджан крикнул: Мы передумали. Давай сражаться как ты и хотел!

Синай стоял так долго, бестолково запрокинув голову к просвету в могучих ясенях, что и сам почувствовал себя одеревеневшим и безразличным ко всему могучим деревом. Которое будет стоять тут, пока не придет кто-то и не срубит его, как было в пору третьей войны, когда люди пришли и стали вырубать Великий Лес.

Поднялся студёный ветер, зашевелил могучие кроны по краям просвета. Здесь в одном из немногих мест нынешнего Сиршаллена можно было увидеть небо. Духи играя бросили редкий опавший лист в его лицо, и Синай, слухом или сердцем, но различил их шепот.

«Служи верно...»

Он сглотнул и наконец смог сдвинуться с места.

Глава 5. Утро в Кайрине

Мимо окна прогрохотал поезд надземного метро. Шесть вагонов промчались за три секунды, но стекло в старом серванте еще продолжало дребезжать, когда Софи открыла сонные глаза. Она вздохнула и зарылась носом в подушку.

Линар притянул ее ближе и уткнулся носом в затылок.

– Ненавижу метро, – пробормотал он.

– И я, – сонно отозвалась Софи, прижимая его руку ближе к груди.

– Однажды мы снова будем в Сиршаллене, – тихо пообещал он. – Там будет тихо, только птицы и ветра. Только шепот листвы. Только ты и я... – Софи почувствовала, как он мягко целует ее волосы. Вздохнула. Однажды... кто знает наступит ли это «однажды». Но сейчас в грохочущем поездами метро и сигналящими машинами кайринском утре хотелось верить, что да. Однажды...

– Какой ты хочешь дом? – спросил Линар, прижимаясь всем телом. Эти разговоры Софи стали привычны. Джон страшно любил помечтать поутру о будущем. Словно оживляя его перед глазами, он находил силы встать с постели и снова идти в мир, который его не ждал и не желал видеть.

– Я была бы рада оказаться у нас дома, – пробормотала Софи, не открывая глаз. Не хотелось видеть уродливую комнату со старой мебелью. – В твоей гостиной. Там так тихо. А за окном соседний ясень видно. И Финар готовит на кухне... А в саду летает пчела и фонтан журчит... Слышишь?

– Угу... – буркнул Линар и вздохнул. – Нет. – сказал он печально. – Не там. В настоящем Сиршаллене. Где дома стоят на земле, а над головой небо. Небо... Голубое-голубое сколько хватает глаз. Мы сидим с тобой в саду и никуда не нужно бежать, никого не нужно бояться. Ты будешь со мной там, правда же? Обещаешь?

– Обещаю, – сказала Софи. Что ей стоило сейчас пообещать это? Она не знала, доживут ли они до следующего дня, что уж говорить о каких-то неведомых далеких временах, когда эльфы смогут вернуться в настоящий Сиршаллен, в котором она даже не была? Для нее Сиршаллен был тот, что она видела. Огромные деревья, длинные, скругленные дома на них, мостики и дымка, спрятанное за листвой небо. Вот что для нее было Сиршалленом. А Линар думал о том, старом городе из камня, который он застал уже в руинах. Мечтал восстановить его

и снова заселить. Снова спрятать свой народ за вековым ясенями их волшебного леса. Снова увидеть чистое небо...

– Надо вставать. Уже шесть.

– Да, пора... – откликнулся Линар, но они продолжали лежать в тесном теплом объятии.

Софи погладила его руку.

– Еще пять минут...

– Да...

Их спасательная операция двигалась скверно. Они собрались и покинули Верхний, вернулись в Кайрин. Линар пытался оставить ее там, с Меланой в безопасности, но Софи категорически отказалась разлучаться. Она сошла бы с ума, если бы ей месяцами пришлось ждать его и каждый день бояться, что придут вести о его смерти. Так что она поехала. Нилан и Шедар уехали первыми. Они с Линаром и Сциной следом. Им нужен был хороший опытный водитель, а ни Линар ни Софи с машиной были не в ладах. По пути Линар тренировался, но чувствовал себя за рулем все еще недостаточно свободно. Сцина, что водила уже почти полвека, конечно, была ему не чета.

В Кайрине они разделились. Линар вселил Софи в эту квартиру, что была, как и прочие эльфийские базы, куплена на чье-то подставное имя. Квартира была страшная, ремонту полвека, мебель вся разваливалась, а прямо за окном дома проходила ветка надземного метро, так что все в доме гроыхало и тряслось каждые десять минут. Но выбирать не приходилось.

Линар приходил только ночевать да и то не каждый день. Софи понимала, что он старается быть с ней чаще, но ей все равно было мало. А еще страшно. Что в Верхнем, что здесь ее мучил постоянный страх. И каждый раз как Линар выходил за дверь, она боялась, что больше он не вернется.

В собранной сумке в спальне лежали документы и деньги, на кухне был спрятан заряженный, смазанный и готовый к бою пистолет. Софи иногда натыкалась на него, залезая под раковину в поисках чистящего средства. В первые разы застывала и паялилась, а сейчас уже не замечала.

На их рабочую базу, где они обсуждали свой план, Линар Софи не возил. Сказал, что безопаснее ей было не знать, хотя она смеялась, что ничего безопасного в ее жизни не осталось. Она знала, что где-то они собираются. И Сцина, которой поручили найти подходящего врача, и Шедар, что следил за башней консулов пытался выяснить про нее побольше. Линар и Нилан занялись отслеживанием самих консулов. Где живут, какой распорядок дня, какая охрана – они пытались незаметно выяснить про них больше.

Это все, что он ей говорил.

– Линар...

– М?...

– Я люблю тебя, мой господин – шепотом сказала Софи по-эльфийски.

– Господи-ин, – поправил он ее нечеткое произношение. – Ты знаешь правила. Никакого эльфийского.

– Ну тогда, я тащусь от тебя, детка.

– Фу! – Джон со стоном зарылся ей в волосы еще сильнее, словно в комнате повис неприятный запах.

– О, да, мой сладкий пирожок. Так бы и съела тебя, секси-котик.

Линар быстро перевернул ее на спину и заткнул поцелуем. Софи сперва рассмеялась, а потом со стоном вытянула руки и отдалась его губам, провела пальцами по коротким светлым волосам на затылке.

– Задержись на час, – прошептала она, жадно прижимаясь к нему всем телом. – Пошло оно все. Один час.

Линар колебался секунду. Софи радовалась, что хотя бы этой секундой колебаний она уже могла похвастаться.

- Они будут волноваться. Я не могу.
- Хотя бы скажи, что хочешь этого, – Софи надула губы.
- Я бы остался с тобой на всю вечность, а не на жалкий час.
- И что бы ты со мной делал эту вечность?

– Любил, – серьезно ответил он, наклонился и быстро ухватил губами ее сосок прямо через футболку. Софи сладко выдохнула и выгнулась, подставляясь, но Джон уже отстранился и встал с постели. Она гневно схватила подушку и швырнула ему в спину.

– Динамо!

Он кинул ей подушку обратно и Софи посмеялась, но тоже встала. Шесть утра. Ему пора. И никаких исключений.

- Я приготовлю завтрак. Иди мойся, я потом.
- Хорошо. – он кивнул, собрал валяющуюся на потертом кресле одежду и пошел в душ.

Софи пожарила яичницу, сделала пару бутербродов. Кофе Джон не жаловал, так что она заварила чаю ему и сделала кофе себе.

Джон вышел из душа свежим и бодрым, оделся в джинсы и поло. Парень как парень. Ни острых ушей ни длинных волос. Ничего эльфийского в нем не осталось. Глядя на такого Джона Софи частенько думала, как ей было бы счастливо с ним, будь он просто парнем с соседней улицы. Кем он мог бы быть? Программистом? Бухгалтером? Юристом? Иногда такая жизнь, где они просто были бы парой в ее привычном людском мире, вставала перед глазами даже слишком четко, так что Софи казалось, что она бредит наяву. Она пыталась вспомнить его с косами в черном жакете с изумрудной перевязью и мечом. Но это был Шахране Сиршаллена, а сейчас перед ней был просто Джон и он нравился ей таким. Как сладко было представить ту спокойную мирную жизнь что могла бы у них быть, и плевать, что она была бы всего лишь на жалкие лет пятьдесят. Нужна ей эта эльфийская вечность, если она проходит вот так! Как хотелось на один миг забыть что он – не человек. И про его нечеловеческие проблемы тоже хотелось забыть.

Но она не могла забыть. Где-то там в центре этого города лежал обескровленный Эльтан и Софи ничего не могла поделать, но ее сердце сжималось каждый раз, как она думала об этом.

Не то чтобы она прониклась к нему какой-то нежностью и привязалась, но по ее жилам текла его кровь и Софи это чувствовала. Черт разбери почему, но это незримой нитью связало их. Странно это было. Линар говорил, что это «эльфийское». Эльтан спас ей жизнь и Софи хотела спасти его не меньше Линара. Чувствовала физическую необходимость в этом, словно неподходящий зуд, что не давал покоя.

Линар сел за стол стал есть.

Софи просто пила кофе. Сейчас проводит его и может быть еще поваляется. Спешить-то ей некуда.

- Очень вкусно. – похвалил Джон. – Благодарю.
- Это яичница, Джон. Не смеди меня.
- С твоей руки любая пища для меня сладка.
- Сладкая яичница? Беее! – передразнила Софи.

Он уже не обижался на такое. Только покачал головой и закатил глаза.

- Говорить тебе комплименты все так же сложно.
- Ты просто неизобретателен.
- Нет, это ты просто хочешь слышать одно – что ты желанна.
- Вот и сказал бы хоть раз.
- Я говорю тебе то, что чувствую.
- Но ты же чувствуешь...

– И то, что следует облекать в слова. Я говорю про те чувства, что достойны быть воспеты и произнесены. А не про всякое там...

Софи застонала и закатила глаза. Это была правда. Джон никогда не говорил ей что-нибудь этакое: что у нее красивые губы, например, или что он сходит с ума от ее вида в negligé. Такие комплименты для него были табу. То есть он, конечно, сходил с ума от ее вида в negligé, но говорить об этом было непростительной вульгарностью. А Софи так порой хотелось услышать что-то такое – простое, земное, томное. Что ему нравятся ее ноги. Или волосы. Да, быть «усладой глаз и радостью сердца» было приятно, но... Еще ей хотелось слышать дурацкие человеческие слова. Что у нее классная задница, например. Неужели так сложно это сказать? Но нет! Линар скорее удавится, чем произнесет «задница».

– Я вчера мог убить консула, – сказал Линар неожиданно. Софи чуть не поперхнулась кофе.

– Кого?

– Сари Долмаха.

Софи хлопнула глазами.

– Того самого? Он же у них главный, – она удивилась, что первым, кто попался был сам глава совета. Имена и фотографии у Линара были. Эльтан озабочился собрать немного информации про совет. Их маленький отряд знал врагов в лицо, а толку? Это были самые влиятельные люди страны и охраняли их очень тщательно. Да и потом убить одного консула был не вариант – только разозлятся и устроят карательную чистку в Сиршаллене или в другом городе. Действовать нужно было разом и быстро. Но первое, что хотел сделать Линар – забрать брата. В первую очередь он пришел за ним. Но добраться до Эльтана пока не было ни единой возможности. Небоскреб консулов в самом центре города был неприступной крепостью.

Первые этажи не имели входов. Все попадали внутрь через подземную парковку или вертолетную площадку на крыше. На случайной машине туда было не заехать, все перегорожено и охраняется. Но самое главное – в здании было восемьдесят этажей. Где искать Эльтана? Как узнать как его охраняют? Их было слишком мало, чтобы штурмовать такую крепость.

Линар это понимал и с каждым проведенным в Кайрине днем все больше хмурился и мрачнел. Он решил спасти Эльтана, нарушив lin'ya, но решить и сделать – оказалось совсем разными вещами.

– Он просто сидел в парке. Ходит туда каждый день в одно и то же время. – сказал Линар и складка между его бровей обозначилась еще глубже. – Сидит на скамейке... как будто ждет.

– Чего ждет?

Линар сглотнул.

– Вчера мне показалось... что меня. Что он ждет кого-то из нас. Это очень глупо, правда же? Но он просто сидит на таком месте, где его может подстрелить даже ребенок. Я смотрел на него сквозь прицел и... не знаю. Странная мысль пришла мне в голову, что я должен с ним поговорить.

– Это же консул. Глава совета! – Софи не на шутку испугалась. Какие еще разговоры с этими людьми?!

– Скорее всего он ушел из совета. По нему видно, что он состарился. Он явно не переживает себе кровь уже многие годы. И его не охраняют. Он просто старик, что ждет смерти. И я не смог выстрелить, хотя мог. Просто нажал бы на курок и все. Раньше я бы не дрогнул, а вчера... Не знаю. Я не смог сделать этого. Не только потому, что это неразумно. Просто не смог. Почувствовал, что это неправильно.

– Ты не можешь так рисковать! Это может быть ловушка.

– Да, может. Мы следим за ним уже несколько дней. Издали, не волнуйся, – торопливо добавил он, видя как вытянулось ее лицо. – Кажется, что никого нет с ним рядом. Он приезжает без охраны. Только водитель и все, и тот остается в машине.

– В машине может быть еще кто-то, а люди в парке могут быть с ним заодно.

– И все же он рискует жизнью куда больше чем тот, кто придет к нему.

– Линар! Не вздумай! – Софи тревожно отставила чашку. – Не вздумай! Это слишком опасно.

– Нилан скажет мне то же самое. Но я так чувствую. Он словно зовет меня. Это... эльфийское. Мне сложно это объяснить. У нас верят, что время иногда заворачивается в вихри, в водовороты, где вся жизнь меняется от одного твоего решения. Я не понимал раньше, а вчера мой палец лежал на курке и я почувствовал, что это он. Тот самый водоворот. Что от моего решения зависит так много. – он закрыл глаза, словно пытался подобрать слова поточнее. – Люди не чувствуют этого так, как мы. А я чувствовал. Словно духи были рядом, словно кто-то положил ладонь на плечо и сказал мне «нет». – он открыл глаза и смущенно посмотрел на нее. – Ты, наверное, не понимаешь.

– Я не знаю, Джон. Наверное, нет. Может это просто интуиция?

– Это не было «просто», – Линар сказал это немного обиженно. Словно она принизила его чувства.

– Я не это имела в виду.

– Мне пора. – он отодвинул тарелку. Встал и подошел к ней. – Будь осторожна.

– Буду.

Он мягко поцеловал ее в губы.

– Я приду завтра вечером.

– Обещаешь?

– Обещаю.

– Тогда пока.

Линар вышел из кухни, и Софи слышала как он одевается в прихожей. Провожать она его не ходила. Никогда. Ей казалось что если сделать этот момент прощания простым, обыденным не придавать ему каждый раз какого-то сакрального смысла, то ее тревога станет меньше. Но вот вжикнула молния на куртке, щелкнул замок, скрипнули петли и раздался мягкий щелчок. Дверь за Джоном захлопнулась.

Софи стояла в кухне и слушала тишину квартиры. За стенкой ругались соседи. В подъезде что-то прогрохотало по мусоропроводу. Софи стояла онемев и окаменев. Он ушел. Снова ушел. И как бы она не старалась не делать из каждого расставания трагедию это тоже не было «просто».

За окном прогрохотал поезд метро и Софи встряхнулась. Ей нужно было продержаться два дня, а потом он придет снова. И снова она на целую ночь сможет притвориться, что все хорошо. Что они просто вместе, что нет никаких консулов, вируса бесплодия, страшного неясного будущего. Что в десятке километров от нее не выкачивают кровь из его брата.

Она допила кофе и стала мыть посуду.

****

Линар надел бейсболку, поглубже натянув на лоб козырек и вышел из подъезда. На ступеньках увидел местного пьяницу и обходя его, услышал уже привычное:

– Эй, парень, закурить будет?

– Нет! – бросил Линар презрительно и поспешил уйти.

И этот человек жил в доме его госпожи! В уродливой панельной многоэтажке, около которой стояли запаркованные пыльные, ржавые машины, в подворотнях воняло мочой, а мусорные баки были вечно переполнены и в темных уголках днем и ночью копошились крысы.

Вот куда он привез ее. Вот где оставил. В этой грязной, вонючей людской дыре!

Кайрин просыпался. Спешили на остановку автобуса мелкие клерки, матери вели детей в детские сады, школьники с огромными рюкзаками перебежали дорогу, показывая друг другу что-то на телефонах.

Линар перешел дорогу по переходу и встал рядом со всеми на остановке. Водить в Кайрине он опасался. Любая авария привлекла бы внимание полиции, а водителем он был отвратительным. Вот и таскался как все прочие – на городском транспорте, в толчее и смраде. Иногда он позволял себе такси, но всегда ловил его не меньше чем в трех кварталах от дома Софии. Боялся, что если он попадет, его неосторожность приведет к ней. Сегодня он провел лишние пятнадцать минут в постели с госпожой сердца, так что времени на прогулку не осталось.

Вечный страх поселился в нем, и причиной тому он видел в них – в этих безразличных, бесконечных, назойливых людях, что окружали его в столице. Скорей бы они уже сгнули, все до единого. Сгнули и освободили его и Софию.

Подошел автобус, и Линар нашарил в кармане проездной. Приложил к турникету.

Пик.

Он протолкнулся вглубь салона.

Пик. Пик. Пик....

В салон продолжали заходить люди, и его все плотнее обступала толпа. Какая-то женщина средних лет нахально прижалась к боку.

– Пододвинься, ну? – заявила она. Линар пододвинулся насколько мог.

– Лоси молодые, нет бы место уступить старой женщине. У меня, между прочим, инвалидность. Да-да, инвалидность!

– Садитесь, пожалуйста, – молодая девушка встала и поменялась с женщиной местами, смущенно посмотрела на Линара, так как ей пришлось прижаться к нему в непозволительной по его мнению близости. Люди! И как они могут отпускать своих дочерей туда, где любой может вот так к ним прижиматься? Отвратительно.

– Доброе утро. – сказал ему девушка. Линар посмотрел на нее сверху вниз. Хоть это в людском мире было для него приятным новшеством. Тут он не был недоростком и никто не возвышался над ним на целую голову, разве что изредка.

– Доброе утро. – отозвался он смущенно. Он помнил эту девушку. Автобус уходил каждое утро в одно и то же время и за месяц, когда он ездил на нем, обыватели ему примелькались. Он помнил все, особенность эльфийской памяти. Он даже имя этой девушки знал. Рейчел. Потому что однажды она ехала с подругой и та ее назвала так.

– Ну и холод. – сказал ему девушка.

Он промолчал и отвел взгляд. Девушка потупилась и тоже умолкла.

Тридцать минут Линар слушал объявление остановок, брань и телефонные разговоры. Потом наконец вылез с большинством пассажиров на остановке, у которой было метро.

Он спустился на эскалаторе, это каждый раз было для него испытанием. Он ненавидел эскалаторы. Слово это он узнал не так давно. Подходящее название для какого-нибудь чудища.

Эскалатор.

Каждый раз как ступал на едущую вниз лестницу, отголоски его привычного кошмара продирали дрожью. Вот он едет, и люди кругом стоят стеной. Если бы на противоположной лестнице он однажды увидел Софи, то наверное забился бы в нервном припадке.

Сон не снился ему уже давно, но отголоски ужаса всегда были с ним. Что он говорил ему? О чем предупреждал?

Линар видел в нем одно – он разлучается со своей госпожой. Навсегда теряет ее. Она уходит туда, к людям, такой делает выбор и разве он мог ее винить? Что он дал ей? Она стала изгоем, преступником. В нее стреляли и нигде теперь ей, как и проклятому эльфийскому полукровке-убийце не было места. Такую заботу он принес ей. Такой почет.

Он видел только один путь исправить это раз и навсегда. Изменить мир. Очистить его.

«Убей наших врагов» – сказала она ему в Верхнем и он сделал это своей целью. Но как он мог это сделать? Он был всего лишь эльф с несколькими верными друзьями в центре огромного, многомиллионного Кайрина. Его враги – сильные, властные, прятались за сотнями спин. Охрана, военные, шпионы. Он не мог даже купить оружия, не рискуя попасться на глаза согладатаем консулов. Каждый шаг эльфов обычно выверялся месяцами. Одна ошибка могла стоить им всего.

Каждый дом и квартира, где они могли укрыться в людском мире, создавался скрупулезно, осторожно, с великой опаской.

Везде были глаза консулов. У них были сотни тысяч полицейских, в их руках был бюрократический аппарат. Военные, границы, законы.

Линар был на вражеской территории и как в прошлый раз, он чувствовал себя здесь уязвимо. От смога, выхлопных газов бесконечного шума хотелось помыться. Стоя в переполненном вагоне метро, сжатый плечами и спинами людей, спешащих на работу, ему казалось, что Сиршаллен – это просто бред его разгоряченного сознания. Что нет никакого другого мира на этой земле, что везде живут так, как здесь, и что он – просто больной фанатик, сумасшедший.

Тогда он закрывал глаза и вспоминал Софию за роялем в своем доме. На стенах всели струнные инструменты, к которым он не прикасался уже много лет. Окно – высокое, арочное сиршалленское окно, не чета местным жалким квадратам – было зашторено невесомой светлосерой занавесью, подвязанной золотистым шнуром. А за ним была пустота воздуха, виднелся соседний яшень – величественный, грозный и мощный.

Он помнил, как мягкий ковер прятал его шаги, как он шел, слушая неуклюжие музыкальные упражнения Софии. А потом вставал в дверях. Ее волосы были собраны в небрежный пучок и одна прядка щекотала беззащитные позвонки на шее. София покачивала головой в такт аккордам, руки порхали над клавишами, и дом наполнился ужасающей сбивчивой музыкой, что для эльфов была хуже потуг ребенка. А он стоял и улыбался. Улыбался и все тело наполняло счастье.

Как он любил ее в тот миг. Как радовался, что в его доме она, что в его сердце – она, что в его жизни – короткой безрадостной жизни – появилась любовь.

– Осторожно, двери закрываются. Следующая станция проспект Долмаха.

Линар открыл глаза. Он снова был в метро Кайрина, кругом стояли люди. Люди, люди, люди бесконечные люди, заполонившие весь мир и укравшие у самих себя и у него покой и тишину.

Но ведь этот мир подарил ему Софию. Не его, величественный холодный эльфийский лес, а вот эта мерзкая кишачая зловонная помойка. Человеческий мир.

А еще в нем родилась когда-то его мать.

Линар поежился. Об этом он старался не вспоминать вовсе.

Он вышел на станции и пересел на другую ветку. В сторону от центра состав был полупустой, так что он смог вдохнуть свободнее, стоя в углу у поручней.

Выйдя из метро он пошел по улице. Декабрь в Кайрине выдался морозным, из канализационных люков парил горячий воздух, на тротуарах валялся сгребенный техникой серо-коричневый снег. А в Сиршаллене сейчас падают желтые листья... Вернется ли он туда? Линар не знал.

Хоть и говорил Софии про старый город с каменными зданиями, но сам ведь тоже думал о том городе, в котором вырос. Ясени, навесные дорожки в вышине, обмерзлые задубевшие веревки кпат. Он так хорошо их помнил.

Из ресторана вылетел парень разносчик и толкнул его в плечо.

– Извини, брат! – махнул рукой, засунул упакованную еду в багажник скутера с броской рекламой и забрался на него, резко дал газу, вырывая, на проезжую часть.

– Ты мне не *брат*. – Процедил Линар и прибавил шагу.

Глава 6. Я должен рискнуть

Их база была на территории бывшей ткацкой фабрики. Огромные пустые ангары были завалены брошенными станками, покрывающимися ржавчиной. Когда-то тут с жаром работали люди, но потом предприятие разорилось, и мрачное неотопливаемое помещение на окраине города купила одна из фирм, принадлежащая Эльтану.

База на складе железной дороги тоже была в их распоряжении, но они опасались появляться там слишком часто. Ее следовало оставить как наиболее безопасную не только для себя, но и для прочих из народа, кому может понадобиться убежище в Кайрине.

Линар отодвинул старые ворота ровно настолько, чтобы протиснуться внутрь, и затворил их за собой. Железо отозвалось скрипом и дрожью.

Он прошел по первому этажу. Ржавое железо было повсюду, проводка тянулась по стенам и даже не особенно прогнила, но зажигать здесь свет никто не спешил. Ангар тонул в тишине и полумраке, слабо освещаясь через пыльные, мутные стекла в окнах. Линар спустился по лестнице в подвал. В темном коридоре около неприметной двери, Линар откинул панель якобы трансформатора и ввел цифровой код на замке. Щелкнул замок, он вошел.

За дверью была лестница, ведущая еще ниже, он спустился, не скрывая шаги. В глаза ударил свет.

Тут было устроено все так же, как на базе на складе забытых вещей – несколько комнат, чтобы поспать, и общее помещение с кухней. За столом сидел Нилан, уткнувшись в ноутбук.

– Привет, Шахране, – сказал он, не поворачивая головы.

Линар не ответил на приветствие. Он все еще злился на него и считал предателем, а потому разговаривал только при крайней необходимости.

– Шедар появлялся?

– Нет.

– Ты готов?

– Пять минут. Вчера один парень влез мне в базу дорожной полиции, вот отсматриваю, пытаюсь понять куда Лита Долмах ездит кроме дома и Башни.

– Хорошо, – буркнул Линар неприветливо. Их слежка за консулами была, на его взгляд, мышинной возней. Какой в ней смысл? Консулов семеро, а их всего-то десять. Если даже спланировать общий удар, и по двое на консула не наберется.

Но выхода не было, нужно было думать на перспективу, а перспектива была не радужная. Даже если они вытащат Эльтана из синар, он тут же вернется к своим тюремщикам, если не убить консулов. Ведь те сразу же начнут убивать в эльфийских городах и никакая общественная открытость, которая пришла с законом Миллеров, их не остановит.

Да в городах стало много людей, разметили землю, построили вышки сотовой и спутниковой связи. И люди в городах, туристы и скитальцы, что приехали посмотреть на эльфов, теперь могли выложить в интернет сколько угодно видео о расправах над эльфами. А толку? Если Эльтан уйдет – консулов не остановит ничто. Никакое общественное порицание. Да и станут ли они его опасаться? Просто расскажут как обстоят дела, и люди сами с радостью поднимут любого эльфа на вилы как в старые добрые времена.

Через несколько минут они услышали хлопок двери и шаги.

Шедар вошел хмурый и обросший.

Посмотрел на них, кивнул сначала Линару.

– Приветствую, шахране.

– Я рад тебя видеть, друг. Есть новости?

Шедар стащил с плеч куртку с искусственным мехом на воротнике и покачал головой.

– Это бесполезно, Линар. Я обыскал все архивы – пусто. Нет чертежей их здания. Полагаю, они озаботились, чтобы их уничтожили. В пожарном управлении и то пусто. Объект стоит

под грифом секретно, принадлежит министерству обороны, а значит ни одно гражданское ведомство ничего про него не знает. А в военные нам не попасть. Аджит Долмах умеет хранить свои секреты.

– А внешнее наблюдение что-то дало?

– Первые шесть этажей без входов. График подлета вертолетов я собрал, но системы в них нет. Что творится там на крыше я не знаю – здание самое высокое в городе. Но вряд ли там ждут нас с распростертыми объятиями. Через верх прилетают консулы. Не думаю, что нам есть смысл рассматривать этот путь. Я попытался проникнуть на подземную парковку, но там все глухо. Большинство служащих здания в нем и живут. Там есть жилые этажи. Покидают его централизованно на автобусе четыре раза в неделю. Я узнал из какого парка он ходит – военный. Не гражданский.

Шедар умолк, паузой подчеркивая свои слова.

– Я не знаю, как проникнуть туда, Линар. Это крепость. И не такая, которую можно взять десятком эльфов. – сказал Кайране Макидара.

Линар кивнул. Десять. Их было всего десять.

Приехали они впятером: Линар, Нилан, Шедар Сцина и София, которую по понятным причинам он не рассматривал как боевую единицу. Через две недели в Кайрин прибыли персты Эльтана. Еще четверо. Тинар и Архан остались охранять Мелану в Верхнем.

Неделю назад из одного из сокрытых поселений на юге страны добрался Игар и Бладер из свиты Линара. Верные ему эльфы, которые пришли, несмотря на риск и то, что их дело не было почтенным и нужным в глазах народа. Но это все равно были такие крохи. Крохи! Маленькая группка против целой армии, которой распоряжались консулы. А забрать нужно было их самую охраняемую драгоценность – Эльтана, пропуск в вечность, залог бессмертия.

Синай не приехал. Линар знал, что он не приедет и даже не стал отправлять зов в Сиршаллен. Они все решили. Да и не станет Синай спасать Эльтана, которого не любит и презирает за все, что он сделал. Но все же как бы Синай был полезен. Он один стоил десяти воинов-эльфов. Но он остался в Сиршаллене, ожидая неизбежного побоища, которое развернется там, когда консулы или люди узнают правду.

Мелана сказала свое слово – ее муж остается у консулов, народ не будет рисковать жизнями ради его спасения. Она сказала то, что должна была, но верные Эльтану побратимы, естественно, не подчинились. Персты служат принцу безотказно, могут по его приказу убить даже Владыку. Персты...

Его единственным перстом был Синай. И он не пришел.

«Вот чего я стою, – бичевал себя Линар. – Вот служба, которой меня почтили».

Он вздохнул и выпрямился.

– Я хочу говорить с Сари Долмахом, – произнес он, и в пустоте подвала эхо исказило его голос так, что показалось будто это произнесли сами стены.

Нилан поднял голову и уставился на него. Шедар тоже замер.

– Ты хочешь говорить с ним?

– Да. Сегодня.

Шедар и Нилан переглянулись.

– Ты слурел? – Нилан уточнил это серьезно, без насмешки.

– Нам не попасть в их башню. А он хочет говорить. Я выслушаю его.

– Он хочет говорить? – Шедар нахмурился. – С чего ты это взял?

– Он сидит на скамейке в парке шесть дней подряд. Сидит в таком месте, где его легко убить. В одно и то же время. Он показывает нам, что не опасен. Что готов рисковать жизнью.

– Лита Долмах тоже носится по Кайрину на мотоцикле как полоумная, но вовсе не потому, что хочет говорить с тобой и рисковать жизнью. Просто знает, что скорее всего авария

ее не убьет вот и куражится. Может старик просто решил проверить себя. – Нилан захлопнул ноутбук и схватил сигареты. Стал нервно прикуривать.

– Он старик. Он не переливает кровь.

– Откуда ты знаешь? Он мог постареть и после переливать ее себе снова. Это безумие

Линар. Он глава совета.

– Бывший глава, судя по всему. Он не появлялся в башне.

– Откуда тебе знать?

– Потому что Итар следит за его домом. Он выезжает только на автомобиле. Он не мог попасть туда незамеченным.

– Мог. Мы не наблюдаем за Башней круглые сутки, – возразил Шедар.

– Да я знаю, – сдался Линар. – Я все знаю. Я понимаю, что это риск, опасность. Но еще я знаю, что это единственный наш шанс на успех и не упущу его. Я поговорю с ним. Сегодня. А вы будете на позиции и поможете мне уйти, если что-то пойдет не так.

– Джон, опомнись! – Нилан покачал головой. – Если мы сейчас убьем консула, пусть и старика и устроим стрельбу в Кайрине... – он развел руками. – Можно смело паковать манатки и бежать в лес. Они перевезут Эльтана черт пойм куда, и мы никогда его не найдем.

Линар подняла глаза и посмотрел на Нилана.

– Мы сделаем, как я сказал. В час солнца он будет там. Я тоже буду там. А ты будешь на том здании с винтовкой и выполнишь свой долг, если это понадобится. Шедар, на тебя я также полагаюсь.

– Линар... – Шедар в шоке смотрел на него, но под прямым взглядом выдохнул. – Хорошо. Я буду там, где ты скажешь. Я обещал помочь тебе и сделаю это, какое бы решение ты ни принял.

– Как там малышка София? – спросил Нилан с издевкой. В Линаре закипела ярость. И он еще смел говорить про Софию! После того как из-за него она чуть не умерла! Из-за него ей вскрыли живот! Из-за него она поймала пулю! – Она одобрила твой самоубийственный план?

– Не смей говорить про Софию, – процедил Линар сквозь зубы. – Даже имя ее упоминать не смей.

– Нас всего десять и если уж кого лишаться из этих десяти, то ее. Она не представляет ценности как боец.

– Это ты не представляешь для меня ценности! – бросил Линар.

– Отлично, тогда давай я и схожу. Я не против. – Нилан пожал плечами. – Лишиться меня будет меньшей потерей, чем тебя. Ты у нас все-таки главный, Шахране.

Линар на мгновение заколебался. Отправить Нилана? Тот умел говорить с людьми и был в таких разговорах наблюдателен и проницателен. Он мог бы поговорить со стариком Долмахом. Но он не верил в успех, а значит даже тени его ему не добиться. Он сходит только чтобы доказать, что он, Линар, неправ.

– Нет. Я пойду сам. Если все обернется плохо, – Линар повернулся к Шедару. – Обещай доставить Софию в горы. Обещай, что не бросишь ее здесь.

Шедар кивнул и Линар верил ему.

– Конечно, Линар. Я не брошу твою госпожу. Я отвезу ее и буду беречь. – он бросил взгляд на Нилана. – От любых опасностей.

Линьяр хмыкнул, выпустил дым и криво ухмыльнулся.

– Можешь сказать это прямо Шедар, не стесняйся. Даже от мерзкого линьяр, что беспринципно использовал нашу хрупкую деву в деле спасения твоей, Шахране, задницы. От него особенно защиту. С пылом.

Он раздавил окурочек в блюдце, что использовал вместо пепельницы.

– Я здесь не ради тебя, Шахране. Для тебя я сделал достаточно, и мы преуспели, не так ли? – Линар промолчал. Ему нечего было возразить, Нилан был очень полезен и осведомлен.

Без него они бы не справились. Это была правда. – Но здесь я чтобы спасти Эльтана. И если мне для этого придется пожертвовать парой эльфов, или собой, или тобой – я на это готов. И ты готов. Так что нечего тут разводиться соплями из-за своей смертной подружки. Никто не говорит, что ее нужно бросать в бой или сдавать консулам. Но она могла бы отнести твое слово Долмаху. Они бы не тронули ее, боясь спугнуть нас, при любом раскладе – есть там засада или нет. И мы бы выбрали место, где тебе будет безопаснее с ним встретиться. Этот парк не такое место. Куда ты там побежишь? Где спрячешься? Это тебе не эльфийский лес, это чертов мелкий городской парк в пару километров, а метро от него в пяти кварталах. И в этих кварталах могут спрятаться сотни людей консулов. Ты побежишь к метро и тебя свалят, свяжут и увезут куда Аджиту Долмаху в голову придет. И я ни черта не смогу сделать сидя на крыше с драной винтовкой, разве что застрелиться тебе на радость. Там деревья, дорогой мой! Деревья, слышал о таких? Тебе стоит отойти с Долмахом от драной скамейки и все – я не вижу ни тебя, ни тех, кто в тебя будет палить. Это чертово самоубийство.

– Только если это засада. Я так не думаю.

– Ага, совсем не похоже. Посадить бесполезного старика консула и посмотреть кто к нему придет его убивать. Совсем непохоже на засаду! – взорвался Нилан.

Линар все понимал. Понимал его прагматичную правоту. И все равно не мог отступить. Он уже все решил.

– Сделаем, как я сказал.

– Ну и упрямый ты осел, шахране! Да и пожалуйста! Толку от тебя в бою чуть, сдохни, раз так нейметя! Жаль только моих трудов по твоему спасению, да и наша София думаю не обрадуется, что все ее страдания были напрасны, что ты просто пошел и убился как последний идиот! Ну да ладно, это же так здорово звучит – поговорить с консулом. Валяй, а я посмотрю! – Нилан гневно прошел мимо скрылся в одной из комнат. Он жил тут. Линар услышал, как он быстро одевается.

Шедар отвел глаза.

– Прости мне мои слова, Линар, но в чем-то он прав... – осторожно и негромко сказал он.

– Я знаю. В каком-то смысле да, он прав. Но и я прав. А если нет... Позаботься о Софии.

Это все о чем я прошу. Нилан и прочие персты сделают что смогут для Эльтана, а ты теперь единственный, кому я могу доверить ее жизнь.

– Я увезу ее, если... понадобится.

– Спасибо.

Нилан вернулся из комнаты, натягивая теплую куртку.

– Хорошо. Ты хочешь говорить с ним – отлично. – заявил он. – Но не сегодня. Сегодня туда пойду я. Поброжу там и погляжу, где будут люди и какие. А в день, когда ты пойдешь туда, там будет кто-то из нас. Сцина, например. Она отлично смотрится в лосинах вот и путь бега там, спортом занимается.

– Нет! – отрезал Линар. – Мы не будем рисковать перстами Эльтана. Они ему еще послужат.

– Да иди ты к черту, шахране! Я – линьяр. И буду делать что хочу. Хочешь говорить с Долмахом – отлично. Но давай сделаем это с умом, так чтобы ты смог уйти, если дело обернется проблемами. Шедар! Поддержи меня.

Макидарец удивленно поднял брови.

– Я...

– Поддержи меня, ублюдок ты мелкий! Он же убьется без всякой пользы! – Нилан был не в себе от ярости.

Шедар побагровел. С ним, кайране Макидара разговаривал какой-то линьяр и называл его ублюдком.

– Хорошо. Сделаем это завтра. – поспешил вставить Линар. – Мы осмотримся там, и после я поговорю с ним. Ты можешь быть рядом. Сцина... как она решит. Вы и правда не подчиняетесь линья, так что вольны распоряжаться собой.

– Отлично! – Нилан пошел к выходу.

– Не попадайся ему на глаза и не говори с ним. – строго приказал Линар. – Хоть в этом я могу на тебя положиться?

– Можешь. – буркнул Нилан. – У меня-то нет никакой охоты болтать с Долмахом.

И он ушел, звонко хлопнув дверью.

– Ему нельзя доверять. – сказал Шедар мрачно. – Он ослушался тебя один раз может слушаться и второй.

Линар знал, что это правда. Когда-то он думал, что Нилан верный друг и несмотря на все презрение, что народ проявлял к нему, Линар ему доверял. Но не после того, что он сделал с Софией. Теперь он знал что это такое – предательство служения. Не только Нилан предал его, но и Синай. Остался в Сиршаллене, когда был ему так нужен. Два самых верных его друга.

Во всем этом Линару виделся рок. Он был скверным эльфом и службу ему служил скверно. Во всем была его вина. Не был чист сам, так как требовать с других?

– У меня нет выбора. Слишком мало со мной верных эльфов. Эльтана он не предаст, а значит и не упустит шанс его спасти. Даже если это будет стоить мне жизни.

Шедар промолчал. Он мог бы сказать, что риск слишком велик, но не сказал. Был бы велик, если бы они имели шанс попасть в башню консулов. Но как пятьдесят лет назад оттуда не смогли спасти синране Халтера, так и сейчас Линар не видел путей. Он должен был рискнуть.

Глава 7. Старик

На следующий день Линар вышел из метро в тех самых пяти кварталах от парка. Посмотрел на часы – было без четверти одиннадцать. Долмах приезжал всегда после одиннадцати и сидел на скамье до полудня.

Они условились с Ниланом, что Линар войдет в парк в половину двенадцатого.

Ночью в городе прошел сильный снегопад. Шахране побрел по замерзшим, расчищенным техникой, но уже снова припорошенным снежком улицам. Кругом, как всегда в Кайрине, кипела и бурлила людская жизнь. Над магазинами и кафе сверкали неоновые вывески, сигналили машины, кто-то буксовал в сугробе.

Линар почти прошел мимо, но остановился. Снегоуборочная техника сгребла снег с дороги и завалила припаркованную машину. Та, пытаясь выбраться на проезжую часть, глохла не справляясь.

Линар подошел и положил руки на обмерзший капот. За рулем сидел мужчина. Покивал ему и дал газу. Линар подтолкнул автомобиль, тот выехал из сугроба. Мужчина помахал ему рукой. Просто обыденно, спасибо, мол.

Линар кивнул и отряхнул ладони.

Он видел это в людском мире, хоть старался и не замечать то хорошее, что здесь все-таки было. Людей было много, очень много, и они научились жить бок о бок. Помогали друг другу. В Сиршаллене ценили уединение и простор, день, когда ты не встретил ни одного эльфа, был привычным для них.

Линар шел по тротуару, невольно сравнивая два мира и два народа. Люди были шумными, бесцеремонными по эльфийской мерке. Но могли ли они быть другими? Когда все, что у тебя есть это жалкие пятьдесят лет станешь ли ты размениваться на долгие эльфийские ухаживания или становление дружбы. Нет, конечно. Люди влюблялись и дружили пылко, молниеносно.

И он тоже влюбился в Софию так. Молниеносно, быстро, как человек, совсем не как эльф.

А эти мерзкие вырвиглаз рекламные вывески и оружие зазывалы, которых эльфы ненавидели особо? Такая назойливость у его народа не укладывалась в голове. Но что еще делать,

если в городе тысячи магазинов, лавок, рынков и все они хотят что-то продать и заманить к себе покупателей? Это в Сиршаллене был один магазин тканей, три известных кузнеца и пара ювелиров. И все между собой были знакомы. Если тебе нужно было изделие вперед прочих, то мастер должен был пододвинуть ради тебя не случайного человека, а эльфа с которым ты прожил рядом всю свою жизнь. В таких условиях спешка была недопустима.

Линар остановился у витрины ювелирного магазина. На подставке крутилось кольцо из изумрудов. Жалкое и скромное, но изумруды пошли бы Софии.

Глядя как переливаются камни, Линар вспомнил, как пришел к мастеру за венцом. По хорошему, он должен был сделать заказ, и мастер выполнил бы его через пару лет. Что такое два года для эльфа, если делают венец для госпожи сердца.

Но Линар не мог ждать! Он заявил, что венец нужен ему немедленно. София гневалась на него, он по незнанию назвал ее ханти! Он не мог ждать ни минуты, должен был немедленно доказать, что его чувства истинные, что он относится к ней, как к почтенной деве. И раз уж он позволил себе ее поцеловать (неслыханно позорное поведение для эльфа, который испытывает симпатию к деве) единственный жест который мог бы загладить такую вину – дарение венца.

Мастер опешил от такого напора, и Линар снова почувствовал себя неправильным эльфом. Никто не стал бы вести себя так. Никто из его народа.

Он бы не смог купить венец. Такие украшения делались только на заказ. Никто не стал бы дарить госпоже сердца венец, сделанный не пойми для кого и не пойми когда.

Мастер ушел в кладовую и принес шкатулку. В ней на синем бархате лежал изумительный золотой венец с листьями, покрытыми цветной эмалью и ягодами из драгоценных камней. От красоты у Линара дух захватило. Это было сокровище, сделанное с большим искусством любовью.

– Сегодня я могу предложить тебе лишь это, Шахране. – сказал мастер.

– Чей он?

– Я делал это для моей дочери. Думал, однажды отдам ее избраннику.

Линар смущенно промолчал. В их кругу было нормальным, что все знали друг о друге все, ведь жизни текли рядом, а эльфы ничего не забывали. Но он был позднорожденным и еще не успел узнать всех эльфов Сиршаллена. Он не знал, что случилось с дочерью мастера, а спросить стеснялся. Еще раз показать себя несведущим юнцом. К счастью, эльф пояснил сам:

– Она покинула мир, когда люди травили приграничные селения газами. Венец так и не был подарен и не принес счастья.

– Да пребудет ее душа в спокойствии лесов, – сказал Линар то, что было положено говорить об ушедших. И снова почувствовал стыд – он задумал отравить людей и спокойствие лесов будет нарушено. Снова из-за него. Снова он был не таким, как следовало. Всегда. Во всем.

– Я не знал какая судьба ему уготована, но по всему выходило – пролежать всю вечность в бархатном ложе. Но вот ты пришел и тебе нужен венец. Срочно. – передразнил он взволнованные слова Линара с легкой насмешкой. Линар даже покраснел, настолько он вел себя неподобающе по эльфийской мере. – Возьми его и желаю, чтобы он был принят. Я делал его с большой любовью.

И венец был принят. А толку?

Линар тряхнул головой. И что он вспоминает это? Его госпоже этот венец счастья тоже не принес.

Он чуть не поскользнулся на тротуаре и даже чертыхнулся, почти как человек. Все он делал почти как человек – импульсивно и торопливо. Скверный из него эльф, по всем параметрам скверный, так не безумие ли поддаться эльфийскому чутью и идти разговаривать с консулом?

И не безумие ли вместо того чтобы зорко глядеть по сторонам вспоминать проклятый венец, который он сам же в минуту отчаяния и гнева разломил пополам?

Линар дошел до входа в парк. Старые чугунные ворота по его меркам были выполнены отвратительно – грубая небрежная работа. Петли заржавели и покосились, ворота были распахнуты и давно не закрывались.

Он посмотрел на часы. Все было как он планировал. Двадцать минут двенадцатого.

Машина Долмаха стояла тут же на парковке. Водитель сидел внутри салона, Линар мазнул взглядом и прошел мимо.

Он был как они – просто прохожий в куртке, бейсболке и ботинках на плотной прорезиненной подошве. Он выглядел своим в этом людском мире. Но своим он не был. Ни здесь, ни там в Сиршаллене.

Только с Софи он чувствовал себя дома.

Дорожки были расчищены. Линар прошел по парку и увидел, как старик Долмах с тростью взбирается на холм к своей скамейке привычным маршрутом. Линар прошел дальше, сделал крюк по парку и дошел до места с другой стороны холма.

Все было как обычно, парк в будний день после снегопада совсем опустел. Снег покрывал все кругом и спрятаться особо было негде не ему ни врагам.

Мимо пробежала Сцина в людском наряде – термобелье, спортивная куртка и яркая повязка на лбу, прикрывающая шрам. Они не посмотрели друг на друга. Линар шел, пробираясь к месту. Вот дорожка повернула, и он вышел на открытое место. В середине дорожки стояла скамейка. Сари Долмах счищал с нее снег перчатками, чтобы присесть. Линар подошел к нему и остановился.

– Помочь? – спросил небрежно. Он знал, что тот его узнает как только посмотрит в лицо. Его лицо консулам, после того как его полгода держали в плену, было отлично известно.

Старик посмотрел на него и покачал головой.

– Нет, Шахране, не нужно. Со снегом я еще могу справиться сам.

Он расчистил скамью, отряхнул перчатки и запахнул пальто. Присел, опустил руки на набалдашник трости.

– Присядете?

Линар заколебался. В эту минуту, когда поворачивать назад уже было поздно, его охватили сомнения. Безумием показалось прийти сюда, но и уходить ни с чем было бессмысленно. Он подошел, так же как Долмах смахнул снег рукой и сел на скамейку рядом с консулом.

– Хороший тут вид, правда? – сказал Долмах.

Линар мазнул взглядом по многоэтажкам. На одной из них на крыше был Нилан с винтовкой. Прямо сейчас смотрел на них в прицел. Но на соседнем здании мог быть снайпер консулов. А может быть Нилана уже застрелили и только снайпер консулов смотрит на него в оптику?

– Не сказал бы.

– Мне нравится видеть эти здания. Вот этому семьдесят лет. – консул ткнул пальцем в высотку из серого камня с изящной лепниной и шпилем. – Как тогда красиво строили. А этот новый, – тычок в современный небоскреб. Линар безразлично посмотрел и на него. – Всего тридцать лет. Стекло везде. Странная мода, на мой взгляд. Стекланные дома.

– Они не стеклянные.

– Внутри да, но снаружи выглядят как хрустальные. Кажется дунешь и унесет его. Но нет. Не такие они хрупкие. Как и люди. – консул повернулся к нему, улыбнулся. Его лицо прорезали глубокие морщины. Линару старость всегда была в новинку. В Сиршаллене не было ее. Все эльфы были по виду одного возраста видеть на лице человека складки, дряблую кожу и складывающиеся в лучики морщины было странно. Но не отвратительно почему-то. Если бы Синай старел и улыбки оставляли на нем такие же следы, где были бы его морщины? Линар впервые задумался об этом.

– Чего вы хотите? – спросил он строго.

Долмах постучал пальцами по набалдашнику трости.

– Зависит от того, чего хотите вы. Зачем вы приехали в Кайрин?

– Вы знаете зачем, – ответил Линар с осторожностью. Не исключено что это все ловушка и неосторожным словом он выложит старику что-то важное. Например, скажи он что приехал за братом – и консул спрячет его подальше. Нужно было быть осторожным.

– Я догадываюсь, – Сари Долмах улыбнулся. – И хочу предложить вам помощь.

– Помощь? Мне?

– Да. Вам очень нужна помощь, ведь без нее у вас нет шансов на успех. Поэтому вы здесь. И я здесь тоже поэтому. Без вас у меня тоже нет шансов на успех.

– Успех в чем?

– В упразднении совета консулов.

Линар моргнул. Что?.. Он шел сюда надеясь, что Долмах решил предложить ему некую сделку, но "упразднение совета" было совершенно невысказано и невероятно. А значит он, скорее всего, лжет. Пытается дать ему надежду на несбыточное.

– Сколько у нас с вами времени? – Долмах посмотрел на наручные часы. Линар напрягся. Любой его жест мог быть условным сигналом соратникам. – Я-то могу задержаться, мне, знаете ли, спешить особо некуда, но у вас наверняка есть договоренности с вашими друзьями.

– Я здесь один, – сказал Линар.

– О, прошу вас. А как же ваша очаровательная подруга? Она никогда тут не появлялась эта очаровательная бегунья, а сегодня она здесь. Знаете, я читал одну старую летопись о Битве у Красного ручья. Там упоминалось о деве-воине, что была в рядах эльфийского войска. Не она ли сегодня упражняется в моем парке? Был бы счастлив поговорить с ней.

– Я один, – повторил Линар спокойно, хотя на деле то, что Сцину старик сразу заметил, было дурным знаком.

– Эх, значит не судьба. Жаль-жаль. Я много лет не видел эльфиек. В юности я имел честь увидеть одну. У нас было празднество, сельскохозяйственная ярмарка и ее посетил сам граф Обринский, приближенный самого императора. Тогда механизмы только начинали изобретать, а наш город был первым, в котором изобрели пепелац. У нас стали собирать первые паровые повозки и слава об этом была такой, что правительство и знать заинтересовалась и приехала посмотреть. Я тогда служил лакеем в городской гостинице. Принеси-подай. Роскошь окружающей обстановки действовала на меня пьяняще. И вот с графом приехала женщина. Не супруга. Эльфийка.

Линар нахмурился. Что-то подсказывало ему, что история эта ему остро не понравится.

– Да. – Долмах увидел его реакцию. – Она была его забавой. Откуда он ее взял я не знаю. Боевые действия случались то тут, то там. Граница была далеко. Иногда эльфийских женщин захватывали, и многие богатые мужчины хотели попробовать их как деликатес. Я был еще молод, но даже я знал, что есть черный рынок. Рабство, конечно, было вне закона, но любому отступлению от морали можно найти оправдание, если у тебя достаточно власти. Тогда я увидел впервые что эта власть делает с людьми. Развращает. Граф привез свою игрушку особо не таясь, ведь никто и слова не посмел бы сказать против. Он был в родстве с короной. Абсолютная власть по тем временам. Девушку заперли в его покоях в нашей гостинице и горничные шептались, что она молчалива и угрюма.

Долмах сглотнул, прочищая горло. Линар сидел окаменев, напряженно прислушиваясь не раздастся ли топот ног. Что этот старик задумал? Отвлечь его внимание старой байкой, к которой он не сможет остаться равнодушным? Поэтому и рассказывает об эльфийке в плену?

– Мне ужасно хотелось посмотреть на нее. – Долмах мечтательно вздохнул и поспешно добавил. – Вы должны понять, я был еще совсем ребенком и жил в небольшом городке. Это был единственный мой шанс. Люди ведь нечасто встречают эльфов, а в те времена сделать карьеру из моего положения было почти невозможно. Я готов был рискнуть головой, чтобы

просто посмотреть на это удивительное чудо – эльфийскую женщину. Сейчас это сложно представить. – он хмыкнул. – Вам сложно. Ваш брат понял бы о чем я говорю.

Линару пришлось сжать кулаки. И он еще смеет упоминать Эльтана?! Долмах же беззаботно продолжал:

– В те времена дни были монотонны, а все, что ты видел, ограничивалось реальным миром – фотография только появлялась, ни телевидения, ни интернета не было. Чтобы увидеть эльфийку ее нужно было увидеть вживую. Она должна была стоять перед тобой и никаких других возможностей не было. Мое желание стало наваждением, и я пробрался в покои графа, пока он осматривал новый пепелац нашего гениального изобретателя.

Долмах поджал губы и покачал головой, словно ему было горько вспоминать об этом. Линару тоже не доставляло удовольствия слушать рассказы старика, но он молчал. Пусть лучше говорит, чем требует ответов у него.

– Та девушка не сказала мне ни слова. Она была очень красива и очень печальна. Чтобы она не сбежала, граф заковал ее в тяжелые стальные кандалы. Я влез в ее комнаты через окно и принес все, чем владел – два яблока, которые украл с кухни. Она не понимала зачем я пришел, да и я не понимал. Мне просто хотелось поглядеть на нее. Под ее взглядом я устыдился себя. Понял, что не относился к ней как к человеку. Что просто хотел посмотреть на диковинного зверя, у которого две ноги и две руки как у человека. Я был не лучше графа Обринского, что владел девушкой как вещью. Просто он использовал ее в сексуальном плане, а я пришел поглазеть. И она не смотрела на меня как на человека. Или правильнее сказать – как на эльфа. Ведь для вас нормой являются эльфы, а для нас – люди. И мы не смотрим друг на друга как на что-то общее, равное и одинаковое. Мы всегда разделены. И это причина всех наших бед, Шахране. И людских и эльфийских.

Линар молчал, осторожно поглядел по сторонам – не подбирается ли к ним под эту грустную старую байку кто-то подозрительный. Он прекрасно знал как старая людская знать обращалась с эльфийками и не желал слушать это из уст консула. Да, Сильвин погибла задолго до того как Сари Долмах родился. Но что с того?! Он был такой же! Такой же алчный до эльфийских женщин как любой смертный муж.

– Через сорок лет я стал дипломатом при императоре Карле. – продолжал разливаться Долмах. – Тогда мне казалось, что прошло очень много времени, а сейчас... Сорок лет. – он хмыкнул. – Время очень относительное понятие даже для обычных людей, что уж говорить про бессмертных. Сделать карьеру мне было непросто, я не был знатен, но мне повезло свести знакомства с нужными людьми и занять покровителя. Времена становились прогрессивнее, личное рвение стало значить чуть больше, чем титул твоего отца. Тут мы вас немного обогнали, а Шахране? – он хитро улыбнулся и посмотрел на Линара.

Тот на улыбку и не подумал отвечать, хотя в словах консула было зерно истины. Людской мир ушел от знати и почитания владык, эльфийский нет. До сих пор рождение в семье не прославившей себя подвигами для народа не сулило подвигов и впредь. С другой стороны он, Линар, опозоривший семью владыки своим происхождением был отвратителен всем эльфам без исключения, хотя родился он в обычной, непочтенной семье и может быть удостоился бы снисхождения. Но он был дитя владыки и значит ему должны были подчиняться. И ребенком ханти он тоже был, а то есть стоил только презрения. Народ сам не знал как следует обращаться с ним, оттого ненавидел с удвоенной силой. Жаль Линар стал понимать это не сразу, а лишь когда повзрослел. Если бы в детстве он понял почему эльфы так жестоки к нему, ему было бы проще их понять? Но где ему было разобраться в этом? Все, что он знал – его ненавидят за то, кто он такой и поделаться он с этим ничего не мог. Только доказать, что достоин называться частью народа. Только один путь видел он перед собой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.